

Мельникова О.М. Уроки А.А. Формозова / О.М. Мельникова // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). — М., 2010. — С. 527—537.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века / Н.И. Платонова. — СПб., 2010. — 316 с.

Попова Т.Н. Историографическая наука: проблемы самоназвания / Т.Н. Попова // Харківський історіографічний збірник. — Вип. 4. — Харків, 2000. — С. 20—33.

Посохов С.І. Історіографія / С.І. Посохов // Історіографічний словник / За ред. С.І. Посохова. — Харків, 2004. — С. 97—102.

Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований / А.М. Сахаров // Вопросы методологии и истории исторической науки. — М., 1977. — С. 5—59.

Сахаров А.М. Методология истории и историография (Статьи и выступления) / А.М. Сахаров. — М., 1984. — 216 с.

Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии / А.А. Формозов // СА. — 1975 — № 4. — С. 5—13.

Холошкин Ю.П. Место археологической историографии в системной классификации археологической науки / Ю.П. Холошкин // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. — Вып. 6. — Новосибирск, 2003. — С. 8—13.

Tracing Archaeology's Past: The Historiography of Archaeology / Ed. A.L. Christenson. — Carbondale, 1989. — 255 p.

Trigger B.G. A History of Archaeological Thought / B.G. Trigger. — Cambridge, 1989. — 500 p.

Д.Л.Тесленко

ІСТОРІОГРАФІЯ АРХЕОЛОГІЇ: ПРОБЛЕМА СТРУКТУРИ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

Статтю присвячено проблемі розуміння предметного поля історіографії археології. Розглянуті дослідження у галузі історії археології та історії історичної науки, які містять визначення предмету історіографії. На підставі узагальнення існуючих точок зору пропонується триелементна структура предметного поля історіографії археології, яка складається з історії археології, теорії археологічної науки, проблемної історіографії.

D.Teslenko

A HISTORIOGRAPHY OF ARCHAEOLOGY: THE PROBLEM OF STRUCTURE OF SUBJECT'S FIELD

The paper is about the problem of understanding of the subject of the historiography of archaeology. Researches in the fields of history of archaeology and the history of historical science, which contains the definition of the subject of historiography were analyzed. According to this analyses the three-elements structure of the subject's field of the historiography of archaeology, which consists of the history of archaeology, the

И. Л. ТИХОНОВ

Ф.К. ВОЛКОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Статья посвящена последнему периоду жизни известного ученого Федора Кондратьевича Волкова (Вовка), связанному с Санкт-Петербургом. Именно здесь, работая в Университете и Русском музее, Ф.К. Волков полностью раскрыл свой многогранный талант исследователя и педагога, воспитавшего замечательную плеяду учеников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии, персоналистика, Ф.К. Волков, Санкт-Петербургский университет, палеоэтнологическая школа.

Жизненный путь Федора Кондратьевича Волкова четко делится на три периода. Первый с рождения в 1847 г. и до 1879 г. прошел на Украине, в Полтавской губернии, Нежине и Киеве. Затем более четверти века с 1879 по 1905 гг. ему пришлось провести в эмиграции, в различных европейских странах. Последний период его жизни оказался связан со столицей Российской империи Санкт-Петербургом. Несмотря на то, что этот период наиболее короткий, охватывающий всего тринадцать лет, он стал самым плодотворным в творческой биографии ученого. В Петербурге полностью раскрылся многогранный талант исследователя и педагога, воспитавшего замечательную плеяду учеников.

Возникает вопрос, почему после амнистии 1905 г. Ф.К. Волков возвращается в Россию, не в близкий ему Киев, в котором начиналась его научная и общественная деятельность, а в холодный, северный Санкт-Петербург, в котором он, вероятно, и не бывал ранее. Ведь в Киеве также были и университет, и музеи, и все возможности для научной работы. Выбору Петербурга могли способствовать несколько обстоятельств. В космополитичной столице Рос-

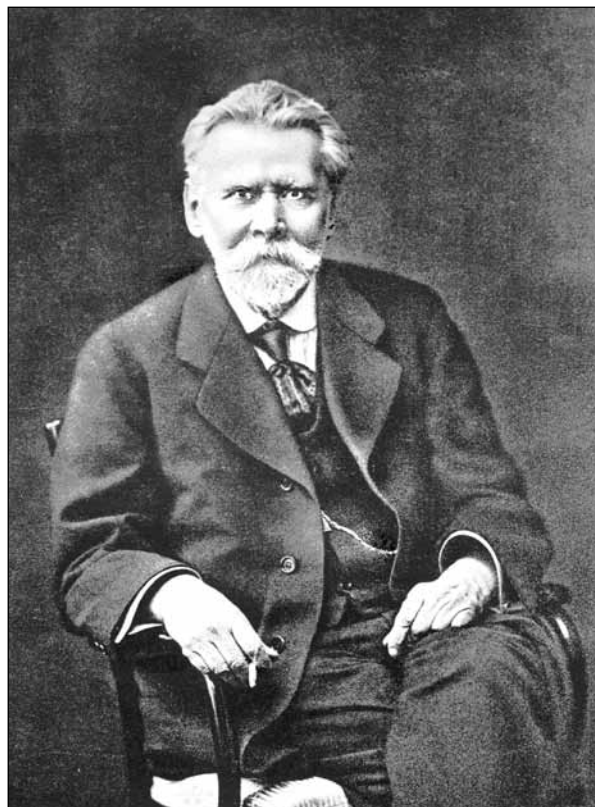
сийской империи было проще быть украинцем, издавать труды на украинском языке, чем в Киеве. Украинские исследователи биографии Ф.К. Волкова называли и более простую причину — в полученном от правительства разрешении на возвращение в Россию содержался запрет на проживание на территории Украины [Носів, 1928, с. 1; Тарац, 2007, с. 6].

Связи с коллегами из Петербурга у Ф.К. Волкова были, еще в 1904 г. он был избран иностранным членом-сотрудником Русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете (далее — РАОПУ). В Русском музее императора Александра III в это время шло активное формирование Этнографического отдела, для которого Ф.К. Волков с 1904 г. собирал коллекции в Галиции. Заведующим отделом являлся Д.А. Клеменц, бывший революционер-народник, также политический ссыльный, т.е. человек духовно не чуждый Волкову. С 1902 г. в отделе работал Н.М. Могиланский, знакомый Волкову по Парижу, и даже учившийся у него в Парижской антропологической школе. Вероятно, через него и была достигнута договоренность о получении места хранителя этнографического отдела. Вернувшись в Россию в конце 1905 г. и поселившись в Петербурге, в 1906 г. Ф.К. Волков поступил на службу в Русский музей. Там ему пришлось заняться созданием отдела Юго-Западной России и зарубежных славян. Серия этнографических поездок была проведена по территории Австро-Венгрии, в ходе которых были произведены этнографические и антропологические исследования украинского населения. На территории Российской империи им были обследованы Черниговская, Волынская, Подольская, Киевская, Екатеринославская,

Курская, Воронежская губернии, Кубань. Всего в этот период Ф.К. Волков собрал более трех тысяч этнографических предметов и сделал более тысячи фотоснимков. Эти материалы составили основу собрания музея по украинцам [Черунова, 1997, с. 9—10]. Значительную часть из этих собраний (около 1300 единиц хранения) составляли полесские материалы, собранные в 1908 и 1909 гг.

Среди собранных Волковым коллекций были также предметы еврейской культуры и коллекции масок и вещей алеутов, эскимосов, чукчей и других народов и племён Северной Азии. В 1910 г. по его инициативе Этнографический отдел Русского музея начал выпускать «Материалы по этнографии России». Редактируя это издание, Федор Кондратьевич поместил в первом томе статью о деревянных церквях на Волыни и совместно со своим учеником С.И. Руденко — описание коллекций из бывших русских владений в Северной Америке. Приходилось ему выступать в качестве эксперта и при научной оценке предлагаемых музеем археологических коллекций. Так в 1912 г. помощник управляющего Русским музеем императора Александра III граф Д.И. Толстой сообщил о предложении Н.К. Рериха уступить Русскому музею за 5000 рублей его археологическую коллекцию, содержащую, в основном, древности каменного века. Ф.К. Волков, ознакомившись с собранием, высказал мнение о нецелесообразности такой покупки, поскольку в случае необходимости отдел, затратив сумму более чем в десять раз меньшую, мог бы собрать новую коллекцию в этом же регионе [Архив РЭМ, ф. 1, оп. 1, д. 79, л. 16 об].

Не менее важным местом деятельности Ф.К. Волкова в Санкт-Петербурге стал Университет. По уставу 1884 г. там полагалась кафедра географии и этнографии, перенесенная в 1887 г. с историко-филологического на физико-математический факультет. Ее первым профессором стал Э.Ю. Петри, который начал читать лекционные курсы по антропологии и доисторической археологии. После неожиданной смерти Петри в 1899 г. эти курсы читал приват-доцент Д.А. Коропчевский — ученик А.П. Богданова по Московскому университету. Но в 1903 г. и он ушел из жизни и несколько лет данные предметы вообще не читались. В итоге Антрополого-этнографическая комиссия, заседавшая 1 октября 1906 г. под председательством А.А. Иностранцева, решительно высказалась за добавление к антропологии и курса доисторической археологии. В качестве преподавателя этих предметов была предложена кандидатура Ф.К. Волкова [Тихонов, 2003, с. 117]. И с начала 1907 г. Ф.К. Волков в качестве приват-доцента начал свою преподавательскую деятельность в университете. Полученная в Парижском университете в 1905 г. степень доктора не давала права занимать

Ф.К. Волков. 1910-е гг.

профессорский пост, поскольку в российских университетах иностранные ученые степени не признавались. В действительности, в случае необходимости это правило можно было обойти, так например, тот же Э.Ю. Петри имел степень только от Бернского университета, а декан историко-филологического факультета и проректор университета Ф.А. Браун, вообще не имел докторской степени. Но на это было необходимо согласие министра народного просвещения, а таких связей вчерашний политэмигрант явно не имел.

Поселился Ф.К. Волков в Петербурге неподалеку от университета, на Петроградской стороне. Справочник «Весь Петербург» в 1910 г. указывал его адрес: Александровский проспект, 17 (ныне это проспект Добролюбова), а в 1917 г. — Зверинская улица д. 40, кв. 42. В квартире хранилась хорошо подобранная библиотека по разным интересующим хозяина дисциплинам, и он всегда давал нужные книги и пособия студентам.

Следуя традиционному европейскому пониманию антропологии как триединой науки, Ф.К. Волков также строил свои курсы [Волков 1913а, 1915]. Для названия последнего раздела «изучающего происхождение и развитие человечества в физическом и бытовом отношении во времена, предшествовавшие появлению исторических сведений», он предпочитал вслед за Мортилье использовать термин «палеоэтнология». В палеоэтнологической части общего

Ф.К.Волков на занятиях со студентами

курса антропологии давалось, прежде всего, понятие о содержании этой науки (по Мортилье), затем предлагался краткий историографический очерк ее развития «путем выделения ее элементов из геологии, палеонтологии, археологии и др. наук». За этим введением следовали обзор источников, краткое ознакомление с технологией изготовления каменных орудий и материалами, которые для этого употреблялись. Основная часть курса, посвященная палеолиту, строилась на классификации Мортилье, причем «в основу всего ставились данные геологические (главным образом стратиграфия), палеонтологические и типологические, в зависимости от чего формы каменных орудий рассматривались с преимущественным вниманием». В конце общего обзора палеолитической эпохи излагались сведения об искусстве этого времени на основании богатых материалов французских раскопок и рассматривались результаты раскопок палеолитических памятников в России. В части, посвященной неолиту, Ф.К. Волков особое внимание обращал на новейшие теории происхождения и распространения неолитической культуры (главным образом С. Мюллера) и на русские древности этого периода. Последняя часть курса была посвящена эпохе металлов. Здесь рассматривались вопросы добычи и первичной обработки меди, происхождения и типологии бронзовых орудий и их распространения в Азии и Европе,

особенности бронзовой индустрии различных регионов. Завершался курс обзором древностей железного века, преимущественно скифо-сарматских и древнерусских курганных [Тихонов, 2003, с. 117 — 118].

Например, в весеннем полугодии 1908 г. лекции по доисторической антропологии читались по вторникам с 11 до 13 часов, а по анатомической антропологии в это же время по четвергам. В качестве источников для своих лекций Волков использовал работы Мортилье, Обермайера, Дешелетта, Гернеса, Пьетта, Буля, Брейля, Монтелиуса, Эванса, Тальгрена, Уварова, Антоновича, Самоквасова и других зарубежных и русских ученых, французские и немецкие периодические издания; эти же труды он рекомендовал студентам для самостоятельного ознакомления.

Преподавание этнографии сводилось к курсу общей или сравнительной этнографии. Здесь рассматривались орудия и приемы народной техники, орудия и способы передвижения, добывания и приготовления пищи, эволюция построек, разные формы одежды. Затем рассматривались обычаи, обряды и ритуалы религиозных культов. Хотя Ф.К. Волков пользовался работами австрийских и немецких этнографов (Липперта, Шурца, Вейса, Вейле, Ратцеля и др.), главным образом он ставил в основу своих лекций труды французских и американских ученых, следующих классическому эволюционизму.

Большое внимание Ф.К. Волков уделял пополнению коллекций Кабинета географии и этнографии. Туда было помещено его собственное собрание, привезенное из Франции, а летом 1907 г. он сумел в Париже купить для кабинета большую коллекцию раннепалеолитических орудий Габреля, а также соллютрейские и мадленские орудия. В 1909 г. Ф.К. Волков был командирован университетом в Париж для участия в праздновании 50-летнего юбилея Антропологического общества, где приобрел коллекцию гипсовых слепков Сен-Жерменского музея и собрание неолитических каменных орудий и керамики. В дальнейшем кабинет пополнялся за счет пожертвований многих исследователей и самостоятельных раскопок студентов под руководством Ф.К. Волкова, из которых наиболее заметными были раскопки в Мезине и сборы неолитических орудий на озере Пирос. Для практических занятий по этнографии широко привлекались коллекции этнографического отдела Русского музея и Музея Антропологии и Этнографии.

Ф.К. Волковым были налажены и практические занятия по антропометрии, которые должны были научить студентов методике и практике антропологических измерений. Однако тут дело не обошлось без курьеза, о котором не без сарказма рассказал сам Ф.К. Волков: «Следуя традиции парижской лаборатории Ecole des Hautes Etudes», где учился измерениям сам преподаватель и где «для измерений проф. Манувриэ приглашает обыкновенно натурщиц из художественных ателье, так как измерения на женщинах гораздо труднее», он, организуя практические работы в Петроградском Университете, «счел необходимым приглашать для измерений не только мужчин (что обходилось дешевле), но также и женщин. Однако первый же опыт приглашения натурщицы окончился довольно громким скандалом, проникшим не только в уличные листки, но и в прения Государственной Думы. В Вечерн. Биржевых Вед. появилась заметка о том, что в Кабинете географии и антропологии с целью привлечения слушателей была приведена девица, которую раздели и «измерили» в присутствии студентов. На другой или третий день после этого в тех же Бирж. Вед. было напечатано письмо одного из хранителей Кабинета В.В. Передольского, подтвердившее все это, с заявлением, что им об этом доведено до сведения кого следует. Не встретивши особого сочувствия университетской администрации, он обратился к попечителю СПб. Учебного Округа, который распорядился «поставить на вид приват-доценту В-ву, что он не имел права допускать вход в Кабинет постороннему лицу, сама же история была рассказана в Гос. Думе Пуришкевичем и вызвала надлежащую реплику со стороны П.Н. Милюкова, рассказавшего о сенсации, произведенной

всем этим в европейской науке, разумеется, не во славу русского Министерства Народного Просвещения (при Шварце)» [Волков, 2003, с. 261 — 262].

Характерной особенностью преподавательской деятельности Ф.К. Волкова было привлечение студентов с первых занятий к самостоятельной научной работе. Об этом впоследствии с большой теплотой вспоминали его ученики. С.И. Руденко писал: «Лекции Федора Кондратьевича отличались, помимо насыщенности содержания, удивительной систематичностью и выдержанной классификацией, благодаря чему они легко усваивались» [Руденко, 1968, л. 18]. Д.А. Золотарев в свою очередь отмечал: «Очень много содействовали его успеху необычайно обаятельное отношение к слушателям, любовь к работе, невольно передававшаяся другим, способность пробудить научный интерес и готовность всегда помочь и дать указания... Он умел быть не только ученым и преподавателем, но и жил нашими интересами, побуждая нас жить интересами своего кабинета и науки. Его кабинет на 16-ой линии Васильевского острова, доступный всем, был для нас самым приятным местом обсуждения планов работы и различных начинаний. «Этот клуб», как говаривал Ф.К., воспитывал его учеников и давал возможность еще в студенческие годы научно работать» [Золотарев, 1918, с. 355]. Так уже в 1908 г. П.П. Ефименко занимался в кабинете приведением в порядок и классификацией каменных орудий из пещер Крыма, собранных К.С. Мережковским, он же, получив при содействии Волкова командировку от этнографического отдела Музея императора Александра III, проводил раскопки черемисских могильников в костромской губернии. В следующем 1909 г. С.И. Руденко раскапывал в окрестностях Обдорска Усть-Полуйский могильник.

Чтение лекций и преподавательская работа были любимым занятием ученого, отмечавшего, что готовиться к ним для него своего рода отдых, в то время как служба в музее могла и тяготить его. Студенты любили Ф.К. Волкова, несмотря на его внешнюю неприветливость и иногда грубоватые манеры, и искренне привязывались к нему. Вокруг него сложился целый кружок его учеников, интересующихся антропологией, этнографией и археологией. Многие его члены были выходцами с Украины, что еще более укрепляло дружеские неформальные связи. Одним из любимых выражений Федора Кондратьевича был призыв «взять быка за рога», что и запечатлел в дружеском шарже прекрасный рисовальщик А.А. Миллер, также начавший работать в Этнографическом отделе Русского музея.

С именем Ф.К. Волкова связана и заметная активизация работы Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете, созданного в 1888 г. по инициативе

А.А. Иностранцева. В конце 1910 г. Ф.К. Волкова избрали председателем общества, что привело к явному оживлению всей деятельности РАОПУ. Только в течении 1911—1912 гг. состоялись 28 заседаний, на которых было представлено 45 научных сообщений. С этого же времени заметно увеличивается количество докладов и сообщений по археологической проблематике. Ф.К. Волков понимал антропологию как науку, состоящую из трех разделов: анатомической антропологии, этнографии и доисторической антропологии. Ф.К. Волков не ограничивал рамки палеоэтнологии изучением только каменного века. Исходя из этого, он привлек к деятельности РАОПУ специалистов-археологов, занимающихся более поздними эпохами. В 1911 г. членами общества стали А.А. Миллер, давний знакомый и ученик Волкова еще по Парижу, исследующий древности Нижнего Дона и Кавказа, и Н.И. Репников, проводивший раскопки в Старой Ладоге. В 1911—1913 гг. они сделали несколько докладов по материалам своих исследований.

Особое внимание Ф.К. Волков уделял методике проведения археологических раскопок. Этой теме было посвящено специальное заседание РАОПУ 13 октября 1911 г., в ходе которого были заслушаны доклады А.А. Миллера о технике раскопок Танаиса, Н.И. Репникова о приемах археологических разведок могильников, К.К. Романова о делении культурных напластований на слои при раскопках архитектурных памятников, Ф.К. Волкова о печатных руководствах к производству раскопок Люшона и А.А. Спицына. А.А. Спицын присутствовал на этом заседании и принял участие в последовавшем обсуждении докладов. В следующие годы этой же тематике были посвящены доклады Н.М. Печенкина о технике разведок и раскопок на месте Страбоновского Херсонеса и Н.М. Могилянского об инструкции, принятой на XIV-м Археологическом съезде.

В архиве Института археологии Национальной Академии наук Украины в Киеве в фонде Ф.К. Волкова сохранились многочисленные повестки, приглашающие на заседания антропологического общества [НА ИА НАНУ, ф. 1, В-365]. Из них можно узнать, что заседания общества проходили, в основном, в Кабинете географии и антропологии на 16-й линии Васильевского острова (д. 29 — в настоящее время там находится кафедра палеонтологии геологического факультета СПбГУ) и, начинались не ранее восьми часов вечера, а часто и позднее. Только юбилейное собрание 23 февраля 1913 г., посвященное 25-летию общества, в знак уважения к его основателю — А.А. Иностранцеву состоялось в Геологическом кабинете университета.

Сам Ф.К. Волков неоднократно выступал в заседаниях РАОПУ с докладами по антропологии и этнографии, с информационными

сообщениями о международных конгрессах по доисторической антропологии, в которых участвовал, о новых палеолитических находках в Европе. Так, например, в 1911 г. он делал сообщение о конгрессе французской Ассоциации наук в Дижоне, в 1912 г. о Международном конгрессе доисторической археологии и антропологии в Женеве, в 1913 г. о находке так называемого «пилтдаунского» черепа в Англии, который вскоре был разоблачен как подделка, сделанная из черепа человека и челюсти обезьяны.

В своей рукописи, посвященной истории антропологии в Петербургском университете, Ф.К. Волков отмечал теснейшую связь, существующую между РАОПУ и кафедрой географии и этнографии Петербургского университета, или, как он предпочитал ее именовать — кафедрой антропологии, которая выражалась «как личным составом своего президиума, так и направлением его ученых трудов, в которых такое видное участие принимали и слушатели наших антропологических курсов. Участие студентов в его деятельности было одним из полезнейших стимулов, поддерживающих дружную научную работу, и было полезно как для Общества, так и особенно для них». С привлечением студентов он связывал оживление деятельности этого ученого собрания, и это действительно так, поскольку новое поколение молодых исследователей, прежде всего учеников самого Волкова, вдохнуло в него новую жизнь [Волков, 2003, с. 263].

В 1911 г. секретарем РАОПУ стал ученик Волкова С.И. Руденко, выступавший с серией докладов о своих раскопках, о VII-м конгрессе доисторической антропологии во Франции в г. Ниме, затем его сменил другой ученик — Д.А. Золотарев. В 1911—1913 гг. П.П. Ефименко выступал с докладами о палеолитических стоянках в Мезине и в Костенках. В 1914 г. он представил доклад «Об остатках каменного века и мегалитических сооружениях Японии», в 1915 г. — «палеолитические и неолитические орудия Палестины» [НА ИА НАНУ, ф. 3, В-16, л. 1—17]. В 1912 г. с докладами на археологические темы также выступали: П.А. Путятин — «Кости из Бологовской стоянки со следами обработки их человеком», С.И. Руденко — «Несколько слов раскопках неолитической стоянки у Тамиссу в Финляндии»¹, Л.Е. Чикаленко «Раскопки курганов в Ананьевском уезде Херсонской губ.», «Краткий отчет о раскопках Мезинской палеолитической стоянки в 1912 году». С сообщениями по антропологии и этнографии выступали Д.А. Золотарев, Г.А. Бонч-Осмоловский, В.В. Сахаров, А.З. Носов и другие студенты, с 1916 г. к ним присоединился С.А. Теплоухов, оставленный при Казанском университете,

1. Вероятно, речь шла о стоянке Хяурюняки под Выборгом.

Рисунок А.А.Миллера
Вовк взял быка за рога

но занимающийся в Петрограде под руководством Ф.К. Волкова. Только за первые 25 лет существования общества на его заседаниях было прочитано не менее 30 докладов, связанных с археологическими материалами [Волков, 1913].

Первоначально общество выпускало свои «Протоколы», в которых печатались и научные работы, а с 1905 г. стало выпускать «Ежегодник». Всего вышло шесть томов «Ежегодника», последний в 1916 г. На страницах этого издания были опубликованы первые научные работы будущего крупнейшего отечественного специалиста в области палеолита — П.П. Ефименко. С этими публикациями, в частности с его статьями о кремневой индустрии Мезина [Ефименко, 1913], Костенок [Ефименко, 1915] и стадиях каменного века в Палестине [Ефименко, 1915а] А.А. Формозов связывал первые в русской литературе строго профессиональные описания и рисунки кремневых орудий [Формозов, 1983, с. 106]. Как новаторские отмечал эти разработки в своей монографии по истории палеолитоведения в России и С.А. Васильев [Васильев, 2008, с. 19]. В этом же издании РАОПУ появились суровая рецензия П.П. Ефименко на дилетантскую книгу И.И. Фомина о палеолитическом искусстве в Европе [Ефименко, 1913а] и также довольно критическая рецензия Ф.К. Волкова на выпущенный на русском языке перевод книги Г. Обермайера о доисторическом человеке. Верный ученик и последователь Г. де Мортилье — Ф.К. Волков, крайне нетерпимо относящийся к любым попыткам модернизировать классическую схему развития каменного века, обрушился в своей рецензии не столько на автора, сколько на аббата А. Брейля, выделявшего ориньякскую эпоху [Волков, 1916].

Помимо работы в РАОПУ, Ф.К. Волков являлся товарищем председателя Общества земледоведения при Санкт-Петербургском университете и Общества им. Т.Шевченко, членом Совета Педагогической академии «Лиги образования». 9 февраля 1907 г. он был избран

членом-сотрудником Русского археологического общества и в 1909 г. выступал на заседании отделения Русской и славянской археологии с докладом «Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии». Большую работу ученый также вел в Русском географическом обществе, был одним из составителей «Географического очерка Российской империи». Эти труды принесли ему большую золотую медаль им. Семенова-Тянь-Шаньского. Сотрудничал Ф.К. Волков и с Императорской Петербургской Академией наук, был деятельным членом «Комиссии по изучению племенного состава России». Входил в академическую комиссию, занимавшуюся подготовкой сборника «Русская наука», где ему в 1917 г. наряду с другими ведущими петроградскими учеными, пишущими о своих дисциплинах, было поручено написать статьи о развитии отечественной антропологии, этнографии и доисторической археологии [Тункина, 1997, с. 23].

Ф.К. Волков много сил положил на борьбу за создание в Петербургском университете отдельной кафедры антропологии, так как на кафедре географии и этнографии она была лишь второстепенным предметом. При обсуждении проекта нового университетского устава он подал докладную записку в Комиссию Государственной Думы по вопросам образования, где предлагал на историко-филологическом факультете создать кафедру общей археологии (Древности классические, русские, восточные) и исторической географии, и предусмотреть преподавание доисторической археологии (палеоэтнологии) и этнографии, а на физико-математическом факультете — кафедру антропологии (в широком смысле, т.е. объединяющую преподавание анатомической антропологии, палеоэтнологии и этнографии) [НА ИА НАНУ, ф. 1, В/4897]. Следует заметить, что вскоре после смерти Ф.К. Волкова в 1918 г. эта программа была реализована в Географическом институте, позднее ставшим географическим факультетом университета.

Отчасти более успешному ходу борьбы за создание кафедры антропологии препятствовало отсутствие у Ф.К. Волкова российской докторской степени (как уже отмечалось, научные степени и звания, полученные за границей, в русских университетах не признавались), и соответственно, он был вынужден довольствоваться в университете скромной должностью приват-доцента. Когда же Петербургский университет возбудил вопрос о присуждении Ф.К. Волкову степени доктора антропологии и этнографии «honoris causa», против этого выступил профессор Московского университета Д.Н. Анучин — один из наиболее влиятельных антропологов в России, с которым у Ф.К. Волкова дружеские отношения не складывались. Об этом красноречиво свидетельствует письмо П.П. Ефименко из Москвы, где он собирался сдавать магистерские экзамены на кафедре Д.Н. Анучина в Московском университете: «В общих чертах дело в следующем. Наш факультет запрашивал Анучина, не найдет ли он возможным возбудить вопрос о присуждении Ф.К. степени доктора honoris causa. Анучин отзывается так: «как же я буду возбуждать об этом вопрос, когда Ф.К. совершенно не хочет ни с кем считаться и в последней своей антропологической работе заявляет по поводу отдельных измерений, что только им правильно они поставлены; выходит так, что только один антрополог в России и есть — это Ф.К., а нас он посылает к черту и т.д. ...» В общем об этой популярной работе Ф.К. он отзывается очень не лестно, хотя корень его недовольства, конечно не в научной оценке. Соответствующий отзыв послал он, по-видимому в Петроград факультету. Хотя не знаю, входил ли он по существу в критику работ Ф.К. Мне он сказал, что ответил факультету так: что Московский университет Ф.К. совершенно не знает» [НА ИА НАНУ, ф. 1, В/2327]. В действительности же, Д.Н. Анучин послал в Петроградский университет просто отрицательный отзыв. В итоге Ф.К. Волков получил докторскую степень и профессорское звание только в 1917 г. уже в самом конце жизни, будучи тяжело больным.

В начале лета 1918 г. он по настоянию врача Русского музея «в связи с крайним ослаблением организма на почве недоедания» был направлен в отпуск в Киев и по пути 29 июня 1918 г. скончался в местечке Жлобине под Гомелем.

Последние тринадцать лет жизни выдающегося ученого — антрополога, этнографа, археолога Ф.К. Волкова, проведенные в Петербурге, стали венцом его научной и педагогической карьеры. В стенах Петербургского университета он сумел реализовать главное дело своей жизни — создать научную палеоэтнологическую школу, которая продолжала развиваться и после смерти ее

создателя трудами его учеников — блестящих антропологов, археологов, этнографов: П.П. Ефименко, С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловского, А.А. Миллера, С.А. Теплоухова, Д.А. Золотарева, Б.Г. Крыжановского, А.З. Носова, Л.Е. Чикаленко и др. Эта школа занимала ведущие позиции в российской археологии 1920-х гг., именно с ней были связаны многие замечательные открытия и достижения как в области полевой работы и совершенствования методики исследований, так и в сфере теоретических построений и периодизаций [Тихонов, 1995, 1997; Платонова, 2010, с. 148—196].

Архив Русского Этнографического Музея (Архив РЭМ) ф. 1, оп. 1, д. 79, л. 16 об.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых / С.А. Васильев. — СПб., 2008.

[Волков Ф.К.] Краткий обзор деятельности Русского Антропологического общества при Имп. С.-Петербургском университете за 25 лет (1888—1913) / Ф.К. Волков // Ежегодник РАОПУ. — Т. 4. — СПб., 1913. — С. 191—202.

Волков Ф.К. Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России / Ф.К. Волков // Ежегодник РАОПУ. — Т. 4. — СПб., 1913а. — С. 1—8.

Волков Ф.К. Антропология и ее университетское преподавание / Ф.К. Волков // Ежегодник РАОПУ. — Т. V. — П., 1915. — С. 99—107.

[Волков Ф.К.] Рец. Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1913 / Ф.К. Волков // Ежегодник РАОПУ. — Т. VI. — П., 1916. — С. 152—160.

Волков Ф.К. Преподавание антропологических наук при кафедре географии со времени учреждения отдельной доцентуры в 1907 г. / Ф.К. Волков // Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003. — С. 257—264.

Ефименко П.П. Каменные орудия палеолитической стоянки в селе Мезине Черниговской губернии / П.П. Ефименко // Ежегодник РАОПУ. — Т. 4. — СПб., 1913. — С. 67—102.

Ефименко П.П. Рец.: И.И. Фомин. Искусство палеолитического периода в Европе. М., 1912 / П.П. Ефименко // Ежегодник РАОПУ. — Т. IV. — 1913а. — С. 185—187.

Ефименко П.П. Костенковская палеолитическая стоянка / П.П. Ефименко // Ежегодник РАОПУ. — Т. 5. — СПб., 1915. — С. 13—26.

Ефименко П.П. К вопросу о стадиях каменного века в Палестине / П.П. Ефименко // Ежегодник РАОПУ. — Т. 5. — СПб., 1915а. — С. 63—88.

Золотарев Д.А. Ф.К. Волков (Некролог) / Д.А. Золотарев // Русский исторический журнал. — 1918. — Кн. 5. — С. 353—365.

Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (далее НА ИА НАНУ), ф. 1, В-16, л. 1—17

НА ИА НАНУ, ф. 1, В-365

НА ИА НАНУ, ф. 1, В/2327

НА ИА НАНУ, ф. 1, В/4897

Носів А. Ф.К. Вовк і українська наука. Відбитка / А. Носів. — К., 1928.

- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. / Н.И. Платонова. — СПб., 2010.
- Руденко С.И. Памяти Ф.К.Волкова. 1968 г. (ПФА РАН ф. 1004, оп. 1, д. 132). (Опубликована: Руденко С.И. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) / С.И. Руденко; подготовка текста, публикация и комментарии Н.И. Платоновой // Археологические вести. — № 10. — СПб., 2003. — С. 303—341).
- Таран О. Федір Вовк — про місце в історії української антропології (до 160-річчя від дня народження) / О. Таран // Народна творчість та етнографія. — № 2. — 2007. — С. 4—7.
- Тихонов И.Л. Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) / И.Л. Тихонов // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. — СПб., 1995. — Вып. 1. — С. 100—120.
- Тихонов И.Л. Деятельность Ф.К. Волкова в Санкт-Петербургском университете / И.Л. Тихонов // Традиции отечественной палеоэтнологии: Тез. докл. междунауч. конф. посвящ. 150-летию Ф.К. Волкова (Вовка). — СПб., 1997. — С. 11—16. Точка доступа: <http://litmisto.org.ua/?p=3335>; <http://litmisto.org.ua/?p=3335>
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки / И.Л. Тихонов. — СПб., 2003.
- Тункина И.В. Ф.К. Волков и сборник «Русская наука» / И.В. Тункина // Традиции отечественной палеоэтнологии: Тез. докл. междунауч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф.К.Волкова (Вовка). — СПб., 1997. — С. 22—24.
- Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России / А.А. Формозов. — М., 1983.
- Черунова Н.К. Ф.К. Волков и его вклад в развитие отечественной науки конца XIX — начала XX в. / Н.К. Черунова // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тез. докл. междунауч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф.К.Волкова (Вовка). — СПб., 1997. — С. 7—10.

I. L. T i h o n o v

Ф.К. ВОЛКОВ У САНКТ-ПЕТЕРБУРГІ

У статті проаналізовано петербурзький період життя Ф.К. Волкова (Вовка). Цей період (13 років) був найбільш плідним у творчій біографії вченого. Тут повністю розкрився багатогранний талант дослідника і педагога, який виховав цілу плеяду учнів. Діяльність Ф.К. Волкова у Петербурзі була пов'язана з двома установами. У 1906 р. він став співробітником Руського музею, де працював над створенням відділу Південно-Західної Росії та зарубіжних слов'ян. З роботою в музеї були також пов'язані археологічні експедиції вченого. Не менш важливим місцем роботи Ф.К. Волкова став Університет. З початку 1907 р. він розпочав викладацьку діяльність на посаді приват-доцента, читаючи курси з антропології та доісторичної археології. Саме у стінах Університету Ф.К. Волков створив наукову палеоетнологічну школу, яка продовжувала розвиватися і після смерті вченого у працях його учнів.

I. T i h o n o v

FEDOR VOLKOV IN ST. PETERSBURG

The paper analyzes the St. Petersburg related period of Fedor Volkov's (Vovk) life. This period (13 years) is the most prolific in scientists biography. Article completely shows multitalented researcher and teacher, who trained a galaxy of students. Activity of Fedor Volkov in St. Petersburg is being associated with two institutions. In 1906 he had become a member of the Rus Museum, where he worked on the South-West Russian and foreign Slavs department creation. As well as museum university became an equally important job Fedir Volkov. In early 1907, he started teaching as professor assistant, teaching courses on anthropology and prehistoric archeology. There he created the scientific paleoetnological school that has continued to evolve in his student's works after researches death.

Д. В. Толочко

Ф.К. ВОВК ТА ЙОГО НАУКОВА ШКОЛА В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ

Стаття присвячена стану вивчення наукової спадщини Ф.К. Вовка та його наукової школи в кінці ХХ — на початку ХХІ століття. Показано, як в умовах становлення теоретико-методологічних засад вітчизняної історичної науки, формується усвідомлення про місце та роль вченого у розвитку науки.

К л ю ч о в і с л о в а : сучасна українська історіографія, Ф.К. Вовк, наукова школа Ф.К. Вовка, вовкіана.

В сучасній українській історіографії часто зустрічаються такі поняття як «археологічно-антропологічна школа» [Франко, 2000а] «антропологічна школа» [Таран, 2003], «палеоетнологічна школа» [Таран, 2003; Яненко, 2011, с. 432] або «наукова школа» [Пахарева, 2009, с. 10] Ф.К. Вовка. З одного боку, це дуже добре, що пам'ятають видатного дослідника та його внесок у розвиток антропології та інших галузей науки, але з іншого — досі не має обґрунтованого, чіткого визначення такого явища як «наукова школа Ф. Вовка». В той час як Ф.К. Вовк та його наукова школа є складовою частиною процесу становлення та розвитку вітчизняної науки, а відповідно й національної самосвідомості.

Спеціальних досліджень з вивчення наукової спадщини Ф.К. Вовка та його наукової школи в українській історіографії кінці ХХ — на початку ХХІ століття не проводилося. О. Франко, С. Сегеда, В. Наулко, О. Таран, О. Пахарева та інші дослідники висвітлюють різні аспекти наукової та суспільно-політичної діяльності Ф.К. Вовка, зокрема звертаються до історіографії вивчення його наукової спадщини. Головною заслугою сучасних дослідників є

те, що вони повернули із забуття ім'я видатного українського вченого та ввели до вітчизняного наукового обігу його праці.

Серед невирішених раніше частин загальних проблем вивчення наукових студій Ф.К. Вовка слід зазначити такі:

— міждисциплінарний характер досліджень Ф.К. Вовка, а саме, взаємозв'язок антропологічних, етнографічних та археологічних судій;

— питання наукової школи Ф.К. Вовка;

— наукова концепція Ф.К. Вовка та її розвиток в працях його учнів;

— місце та роль Ф.К. Вовка у розвитку французької антропологічної школи, історичних та природничих науках загалом.

Тому основною метою статті є аналіз загальних напрямів та здобутків вивчення наукової спадщини Ф.К. Вовка та його наукової школи наприкінці ХХ — на початку ХХІ ст. Для реалізації цієї мети поставлені наступні завдання:

— визначити рівень вивчення доробку Ф.К. Вовка та його наукової школи в історіографії;

— визначити основні етапи «вовкіани» кінця ХХ — початку ХХІ ст.;

— проаналізувати особливості вивчення наукової спадщини Ф.К. Вовка.

Теоретико-методологічні засади та здобутки історіографії кінця ХХ — початку ХХІ ст. зазнали змін: з'явилася можливість для перегляду історії національної науки та культури, розкриття та вивчення заборонених раніше тем, повернення праць та імен тих, хто в радянські часи вважалися націоналістами. До переліку повернутих імен, заборонених тоталітарним комуністичним режимом,

потрапило ім'я Ф.К. Вовка. Так, із проголошенням незалежності України розпочався новий період вивчення доробку Ф.К. Вовка та його наукової школи. Це відобразилося у вигляді публікації праць Ф.К. Вовка та його епістолярної спадщини, виданні статей, наукових розвідок, монографічних досліджень і узагальнюючих праць, які висвітлюють науково-дослідну роботу вченого та його наукової школи.

Процес вивчення науково-дослідної роботи Ф.К. Вовка та доробку його наукової школи («вовкіани») в сучасній українській історіографії умовно можна розділити на три етапи. Перший етап (кінець 80—90-ті рр. ХХ ст.) характеризується публікацією основних праць та критичних розвідок Ф.К. Вовка, підготовкою до видання його епістолярію, вшануванням пам'яті вченого в зв'язку з 150-літтям від дня народження. С. Сегеда видав і кваліфіковано прокоментував опубліковану працю Ф.К. Вовка «Антропологічні особливості українського народу» [Сегеда, 1994]. Коротку характеристику наукової спадщини Ф.К. Вовка у галузі антропології, етнографії, археології містить стаття Т. Клінченко [Клінченко, 1993, с. 156—157]. В. Наулко особливо увагу приділив епістолярній спадщині Ф.К. Вовка [Наулко, 1999].

Слід відзначити, що впродовж 90-х рр. було сконцентровано великий за об'ємом фактичний матеріал, який значною мірою був осмислений і синтезований у дисертаційному дослідженні О. Франко «Наукова та суспільно-політична діяльність Федора Кіндратовича Вовка» (2000). Це була перша в українській історіографії спроба узагальнюючого дослідження життя, наукової та суспільно-політичної діяльності Ф.К. Вовка. Зокрема, у другому підрозділі «Науково-дослідницький період діяльності Ф.К. Вовка в Парижі (1887—1905)» з'ясовано генезу його наукових інтересів і становлення вченого від слухача Сорбонни до доктора природознавчих наук і відомого вченого. Цей етап життя Ф.К. Вовка дуже мало висвітлений у літературі. На остаточне формування наукового світогляду вченого в цей період мав вплив позитивізм та ідеї французького вільнодумства. Автор дослідження висвітлює різносторонню діяльність Ф.К. Вовка (наукову, видавничу, педагогічну, організаторську). Особливе місце займають зв'язки з Галичиною, участь в організації Міжнародної виставки та наукових товариствах.

На особливу увагу заслуговує підрозділ, в якому О. Франко аналізує досягнення Ф.К. Вовка в галузі археології, зокрема дослідження пам'яток епохи пізнього палеоліту, трипільської культури та питань первісного мистецтва. Ще однією особливістю підрозділу є приділення значної уваги автором визначенню ролі Ф.К. Вовка як популяризатора досягнень вітчизняних археологів на міжнародній науковій арені.

Можна стверджувати, що після проголошення незалежності України (1991), Ф.К. Вовк та його наукова школа стала самостійним напрямом вітчизняної історіографії.

Другий етап (2001—2005 рр.) — починається цілеспрямоване вивчення антропологічної спадщини Ф.К. Вовка. Знаковою стала поява цілісної наукової роботи О. Таран «Наукова спадщина Федора Вовка в галузі антропології: спадкоємність традицій та сучасне бачення», в якій пропонується аналіз антропологічної спадщини Ф.К. Вовка та висвітлено основні етапи його організаційно-наукової роботи зі створення власної антропологічної школи [Таран, 2003].

У розділі «Історіографія проблеми та джерельна база дослідження» О. Таран розглянуто погляди вченого на місце антропології серед інших гуманітарних та природничих наук, викладені Ф.К. Вовком у доповіді «Rapport sur l'état actuel des sciences anthropologiques en Russie» (1909 р.). Слід звернути увагу на назву доповіді, яка потребує уточнення, бо в оригіналі мала назву «RAPPORT SUR LES SCIENCES ANTHROPOLOGIQUES EN RUSSIE» (ДОПОВІДЬ ПРО СТАН АНТРОПОЛОГІЧНИХ НАУК В РОСІЇ) [Volkov, 1909, р. 396], а О. Таран використала назву, яку було записано зі слів Ф.К. Вовка під час ювілейного засідання Паризького антропологічного товариства.

Більше уваги та критичної оцінки потребує наукова концепція Ф.К. Вовка щодо українського антропологічного типу. Варто врахувати критичну оцінку В. Петрова, який вважав некоректним обмежувати поширення українського антропологічного типу рамками сучасної етнографічної території, заселеної українцями. Пояснюється це тим, що ідея Ф.К. Вовка відповідала поширеній у кінці ХІХ — початку ХХ ст., народницько-лінгвістичній концепції, яка не узгоджується із сучасними антропологічними даними та історичними реаліями [Толочко, 1997, с. 234].

Видання довідкового та енциклопедичного характеру обмежуються лише констатацією загальновідомих фактів про Ф.К. Вовка. Інформація про наукову школу Ф.К. Вовка та її учнів відсутня. В цих довідникових виданнях є статті про деяких з учнів Ф.К. Вовка, але в них згадки про вчителя немає [Енциклопедія, 2003, с. 589; Лобода, 2002, с. 354].

З 2006 р. — до сьогодні триває третій етап, в якому переважає проблемний підхід до опанування наукового доробку Ф.К. Вовка. З одного боку — поглиблюються знання про внесок вченого в розвиток етнології та інших наук, вперше вводиться великий масив архівних матеріалів, а з другого — немає цілісного уявлення про значення наукової спадщини Ф.К. Вовка та його наукову школу як систему. Тобто, робота над визначенням та розумінням поняття «наукова школа Ф.К. Вовка» триває.

В сучасній науці наукову школу розглядають як науковий колектив, який сформувався під егідою вченого. Тобто колектив авторів наукової концепції (або розробників підходів та методів дослідження), що стала основою для подальшого розвитку окремих напрямів або науки в цілому. Складність вивчення наукової школи полягає у тому, що більш ранні школи продовжували співіснувати з більш пізніми, тому розвиток історичної науки являє собою, скоріше за все, злиття різних наукових шкіл, а ніж послідовну зміну одна одної. А це, в свою чергу, призвело до запозичення та синтезу методів дослідження не лише між науковими школами, а й між різними галузями науки [Толочко, 2011, с. 107].

З формальної точки зору, через факт наявності учнів, доведено існування наукової школи Ф.К. Вовка у дисертаційних дослідженнях О. Франко і О. Таран. Продовження традицій Ф.К. Вовка, спробувала простежити О. Таран, але результат дослідження неоднозначний, бо у розділі зазначено, що «палеоетнологічна школа у Ленінграді, <...> попри політичні репресії <...> продовжувала існувати», а у висновках, що учні Ф.К. Вовка, які пережили сталінські репресії, змогли розвинути погляди свого вчителя в царині археології, чого, на жаль, не вдалося здійснити в галузі етнічної антропології.

У подальших дослідженнях варто зосередити увагу на якісних ознаках та оцінці праць, представників цієї школи. Відповідно будуть корективи, які суттєво поліпшать знання про продовження наукових традицій Ф.К. Вовка, зокрема розвитку методологічних засад вітчизняної історичної науки. На сьогодні можна визначити такі критерії наукової школи Ф.К. Вовка:

— наявний педагогічний аспект, тобто регулярний зв'язок «учитель — учень»;

— об'єкт дослідження: антропологія українського народу, археологія, палеоетнологія, порівняльна етнологія.

— предмет дослідження: український антропологічний тип, археологія (пізній палеоліт, трипільська культура та питання первісного мистецтва), українська матеріальна і духовна культура;

— новаторський підхід до вирішення наукових проблем (методика досліджень, фіксація, відбір матеріалів, опрацювання, опис, упорядкування, аналіз, інтерпретація, оцінка, теоретичні і практичні висновки).

Не викликає сумніву, що Ф.К. Вовк зробив вагомий внесок у розвиток світової науки, однак недостатньо осмислено та науково обґрунтовано місце і роль вченого, його наукової концепції в розвитку не лише української, але й світової наукової думки. В сучасній вітчизняній історіографії спадщина Ф.К. Вовка значною мірою відображає вплив наукових

напрямів, концепцій європейської науки на наукові погляди Ф.К. Вовка. На переконання О. Франко, «Ф. Вовк був основоположником української етнології, який висунув і науково обґрунтував ідеї єдності і неподільності українського народу», О. Таран у своєму дисертаційному дослідженні розглядає Ф.К. Вовка як «вітчизняного вченого <...> в царині науки про людину», котрий розпочав широкомасштабні антропологічні дослідження на теренах України, тобто як антрополога. Разом з тим бракує системного дослідження, яке розкривало б вплив його наукових поглядів на розвиток європейських природничих наук, зокрема французької антропологічної школи. Варто погодитися з критичними коментарями О. Франко, яка вважає, що «стан наукової розробки теми ще не зовсім задовільний, мало робіт, які б поєднували фактичний і теоретичний матеріал...», зокрема необхідно глибше розкрити питання наукових контактів [Франко, 2000, с. 43]. Цих питань торкалась і сама О. Франко. На її думку, «Ф. Вовку належить ініціатива уніфікації методів дослідження, застосування комплексних студій, надання великого значення... порівняльній етнографії». Порівняльний метод та вміння узагальнювати великий обсяг матеріалу одна з основних переваг, що відрізняє праці Ф.К. Вовка серед інших робіт. У якості прикладу достатньо згадати назву його дисертаційної роботи «Скелетні видозміни ступні у приматів та в людських рас», наукова вартість якої була настільки вагомою, що Ф.К. Вовк став поруч із видатними західноєвропейськими вченими. Безумовно, науково-дослідна і освітня діяльність Ф.К. Вовка сприяла розвитку вище зазначених наукових напрямків і створенню базових уявлень про ці галузі у молодих науковців. Двадцять п'ять років життя в Парижі вчений присвятив антропологічним дослідженням, викладав археологію у Вищій школі суспільних наук у Парижі (1901—1905 рр.) а первісну культуру — в Школі Лесгафта.

Процес нарощування знань про наукову спадщину Ф.К. Вовка та його наукову школу, залежить від дії чинників зовнішнього та внутрішнього характеру. До зовнішніх чинників належать такі:

— соціально-економічні, що пов'язані з пануванням ринкових відносин, які на жаль не орієнтовані на забезпечення соціальних гарантій та перспектив розвитку України, що проявляється у дефіциті бюджету державних науково-дослідних закладів, низькому рівні оплати праці фахівців галузі освіти та науки тощо;

— політичні — незадовільна гуманітарна політика в країні;

— культурні — застаріла інформація в навчальній літературі, недостатньо вводяться праці Ф.К. Вовка в шкільні і вузівські підручники і посібники.

Внутрішні чинники — це теоретико-методологічні засади вітчизняної історичної науки. Все це так чи інакше позначилось на вивченні наукової спадщини Ф.К. Вовка та його наукової школи.

Процес нарощування знань про Ф.К. Вовка та його наукову школу відбувається у двох напрямках:

— дисциплінарному, або галузевому, прибічники якого вивчають доробок вченого в різних наукових галузях (антропології, археології, палеоетнології, етнографії, українознавстві тощо);

— системному, або цілісному осмисленні спадщини Ф.К. Вовка та його наукової школи. Дослідники, які рухаються у цьому напрямі, близькі до розв'язання питання наукової школи Ф.К. Вовка та визначення її ролі у розвитку історичних та природничих наук тощо.

Дослідження спадщини Ф.К. Вовка та його наукової школи («вовкіани») кінця ХХ — початку ХХІ ст. є самостійним напрямом вітчизняної історіографії, в розвитку якого можна прослідкувати певні закономірності, що обумовлені різними соціально-економічними, політичними та культурними факторами. Специфікою «вовкіани» є міждисциплінарний характер, тому що Ф.К. Вовк та його наукова школа представляла різні галузі науки.

Аналіз праць, які висвітлюють наукову діяльність Ф.К. Вовка та його наукової школи дозволяє говорити про тенденцію поглиблення системного підходу в тематиці досліджень спадщини Ф.К. Вовка. Подальша розробка «вовкіани» багато в чому залежить від консолідації наукових сил та ініціативи провідних фахівців. Посприяття цьому процесу може впровадження щорічних наукових читань присвячених Ф.К. Вовку. Крім того, вивчення доробку видатного вченого та його наукової школи набуде систематичного характеру. По-перше, це дозволить, поглиблено та масштабно дослідити «французький» період наукової діяльності Ф.К. Вовка. По-друге, виявити глибинні тенденції та закономірності становлення і розвитку наукових студій Ф.К. Вовка та його наукової школи. По-третє, зосередитись на взаємозв'язку процесу загального поступу історичних та природничих наук, виявити взаємовплив окремих дисциплін одна на одну, простежити неперервну традицію від Ф.К. Вовка (наприклад, через Г. Бонч-Осмоловського, С. Бібікова, М. Шмаглія і В. Збеневича) до сучасних науковців. Тобто, дозволити охопити широке коло проблем — від питання про роль Ф.К. Вовка та його наукової школи до загальних питань становлення та розвитку історичних та природничих наук.

Поглибленого дослідження потребує період життя Ф.К. Вовка у Парижі, бо наукова діяльність у ці роки розкриває його значення як науковця європейського масштабу. Якщо те-

матика його досліджень відома, то розуміння, за які саме наукові відкриття Ф.К. Вовк отримав визнання європейських колег, і то як його відкриття вплинули на розвиток історичних та природничих наук, потребує більш аргументованого пояснення. Подальша розробка проблем дозволить скорегувати оцінку щодо місця антропологічних студій Ф.К. Вовка в європейській науці.

В основі наступних досліджень має бути принцип цілісного вивчення студій Ф.К. Вовка та його наукової школи. Переконаливість сказаного стає особливо очевидною, якщо спадщину видатного вченого та його наукову школу розглядати з позиції погляду Ф.К. Вовка на структуру антропології і того, як він розумів її місце серед інших дисциплін, які вивчають людину. Цей принцип має важливе методологічне значення у розкритті сутності концептуальних поглядів та основних напрямів наукових досліджень Ф.К. Вовка. Тому слід уникати формування судження про місце та роль Ф.К. Вовка лише на підставі аналізу його доробку в окремих галузях науки (антропології, етнології, археології).

Більше того, «вовкіану» слід розглядати в контексті загального поступу природничих та історичних наук. Це дозволить розкрити особливості формування наукової концепції Ф.К. Вовка та простежити її розвиток у працях його учнів.

Важливо враховувати вплив громадсько-політичної діяльності Ф.К. Вовка на його наукову діяльність, оскільки він, працюючи на науковій ниві, не полишав громадської діяльності, про що свідчать матеріали з його особового фонду, які зберігаються в Науковому архіві Інституту археології НАН України.

Також, враховуючи історію становлення української науки, яка на початку ХХ ст. відстоювала право на існування і в результаті потрапила під репресивну політику з боку радянської влади, важливо зосередити увагу на вивченні міжпоколінних зв'язків, що дозволило зберегти українську історіографічну традицію впродовж ХХ ст. А це в свою чергу, має важливе значення для збереження національної науки, культури, тобто виходить на проблему осмислення та збереження ідентичності. Відповідно, Ф.К. Вовк та його наукова школа є складовою частиною процесу становлення та розвитку вітчизняної науки та національної самосвідомості.

Енциклопедія історії України: В 5 т. / Редкол.: В.А. Смолій та ін. — К., 2003 — Т. 1: А — В. — с. 589; Клінченко Т. Вовк Федір Кондратович / Т. Клінченко // Етнонаціональний розвиток України. Терміни, визначення, персоналії / відп. ред.: Ю.І. Римаренко, І.Ф. Курас. — К., 1993. — с. 156—157; Лобода Т. Федір Вовк. Етнограф, антрополог, археолог, громадський діяч / Т. Лобода // Народжені Україною: Меморіальний альманах. У 2—х т. — К., 2002. — Т. 1. — с. 354;

Наулко В.І. Листування Федора Вовка з Борисом Грінченком / В.І. Наулко. — К., 1999.

Пахарева О.С. Французько-російське наукове співробітництво в галузі антропології у другій половині XIX — на початку XX ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук / О.С. Пахарева. — К., 2009. — 17 с.

Сегада С.П. Антропологічна спадщина Ф. Вовка в світлі сучасних наукових даних / С.П. Середа // Вовк Ф. Антропологічні особливості українського народу. — К., 1994.

Таран О.Г. Наукова спадщина Федора Вовка в галузі антропології і спадкоємність традицій та сучасне бачення: автореф. ... канд. іст. наук / О.Г. Таран. — К., 2003. — 19 с.

Толочко Д.В. Вплив еволюції теоретико-методологічних засад вітчизняної історичної науки на інтерпретацію трипільської культури в кінці XX — початку XXI століття / Д.В. Толочко // Стежками археології: До 70-річчя професора Михайла Івановича Гладких. — К., 2011. — С. 103—110. — (Археологія і давня історія України. Вип. 6).

Толочко П.П. Від Русі до України: Вибрані науково-популярні, критичні та публіцистичні праці / П.П. Толочко. — К., 1997. — 400 с.

Франко О.О. Наукова та суспільно-політична діяльність Федора Кіндратовича Вовка: дис. ... док. іст. наук / О.О. Франко. — Львів, 2000.

Франко О.О. Наукова та суспільно-політична діяльність Федора Кіндратовича Вовка: автореф. дис. ... док. іст. наук / О.О. Франко. — Львів, 2000 а. — 33 с.

Яненко А.С. Діяльність Музею (Кабінету) антропології та етнології ім. Хв. Вовка та археологічні дослідження на Чернігівщині / А. С. Яненко // Сіверщина в історії України. Випуск 4. — 2011. — С. 432—437.

Volkov Th. Rapport sur les sciences anthropologiques en Russie // Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris, Année 1909, Volum 10, Numer 10, pp. 297—437 Точка доступу: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/bmsap_0037-8984_1909_num_10_1_8074

Д. В. Толочко

Ф.К. ВОВК И ЕГО НАУЧНАЯ ШКОЛА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена состоянию изучения научного наследия Ф.К. Вовка и его научной школы в конце XX — начала XXI века. Показано, как в условиях становления теоретико-методологических основ отечественной исторической науки, формируется осознание места и роли ученого в развитии науки. Подчеркивается, что исследование наследия Ф.К. Вовка и его научной школы (вовкианы) конца XX — начала XXI ст. является самостоятельным направлением отечественной историографии, в развитии которого прослеживаются определенные закономерности, обусловленные социально-экономическими, политическими, культурными факторами. Делается вывод, что спецификой «вовкианы» является ее междисциплинарный характер и что в основу последующих исследований должен быть положен принцип целостного изучения студий Ф.К. Вовка и его научной школы.

D. Tolochko

F.K. VOVK AND HIS SCIENTIFIC SCHOOL IN MODERN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY

The paper is devoted to the study of scientific heritage Fedir Vovk and his scientific school of the end of the 20th — early 21st century. Fedir Vovk's heritage research is a separate area of national historiography, that develops certain patterns due to socio-economic, political and cultural factors.

А. Н. Усачук

К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ:
АЛЬБОМ РИСУНКОВ Н. Е. МАКАРЕНКО
ИЗ ФОНДОВ ДОНЕЦКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Работа посвящена альбому рисунков известного украинского археолога Н.Е. Макаренко из фондов Донецкого обл. краеведческого музея. Затрагиваются некоторые вопросы украинской археологии 20—30-х годов прошлого столетия на примере трагической судьбы одного из ярких ее представителей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии, Н.Е. Макаренко, альбом, рисунки, письма, А.М. Тальгрэн.

Жизнь и деятельность археолога и искусствоведа Николая Емельяновича Макаренко (1877—1938) давно привлекает внимание многих исследователей. Вычеркнутое в конце 30-х гг. из истории и археологии имя [Формозов, 2004, с. 188] постепенно возвращалось, начиная с краткой публикации [Цвейбель, 1970] и до все возрастающего количества работ с начала 90-х гг. прошлого века. Среди них выделим монографию об ученом [Макаренко, 1992а] и крупный обобщающий труд, посвященный истории становления археологии в Российской империи, где среди многих достойное место занял и Н.Е. Макаренко [Императорская Археологическая, 2009, с. 875]. Одна из работ середины 90-х гг., была посвящена сохранившемуся альбому рисунков Николая Емельяновича [Усачук та ін., 1995]. На последнем сюжете остановлюсь подробнее, поскольку информация, заключенная в альбоме, а также найденные позже 1995 г. материалы (в частности, полученные недавно усилиями С.В. Кузьминых (ИА РАН) письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрэну¹) пересекаются, дополняя друг друга.

1. В рукописном отделе библиотеки Хельсинского университета (РОБХУ) в составе архивного собра-

Известно, что Н.Е. Макаренко был прекрасным художником. Он закончил в 1902 г. Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица, где ему было присвоено звание художника по первому разряду [Макаренко, 1992а, с. 14—15]. Как писал сам Н.Е. Макаренко в ноябре 1912 г.: «... Окончил училище технического рисования Барона Штиглица в Санкт-Петербурге с дипломом первой степени, со званием художника ...» [Граб, Супруненко, 1993, с. 36].

Ставши затем профессиональным археологом, Н.Е. Макаренко всю жизнь продолжал рисовать, оставив после себя не только большое количество археологических рисунков к своим работам и работам своих коллег, но и различные акварели, эскизы обложек книг, экслибрисы, графику. Кое-что сохранилось [Косиков, 1990, с. 44—48; Звагельский, 1989, с. 4; 1990а, с. 27; 1993а, с. 233—234; 1993б, с. 4—5; 1993в, с. 3; Граб, 1993, с. 21—22; и др.]. Среди подобного наследия дошел до нас и «донецкий» альбом.

В свое время история появления альбома в Донецке была опубликована [Усачук та ін., 1995, с. 202—204]. Уточним ее. Альбом хранился у вдовы Н.Е. Макаренко Анастасии Сергеевны Федоровой-Макаренко в Казани, куда Николай Емельянович был выслан в 1934 г. и где 24 апреля 1936 г. снова арестован и осужден на три года лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях за «контрреволюционную

деяния Арне Микаэля Тальгрэна (1885—1945) хранится обширная корреспонденция — 525 писем и открыток археологов различных стран, написанных А.М. Тальгрэну (коллекция 230). Большой объем корреспонденции в этой коллекции принадлежит Н.Е. Макаренко — 32 письма и 6 открыток, написанных и посланных с марта 1917 г. по сентябрь 1935 г.

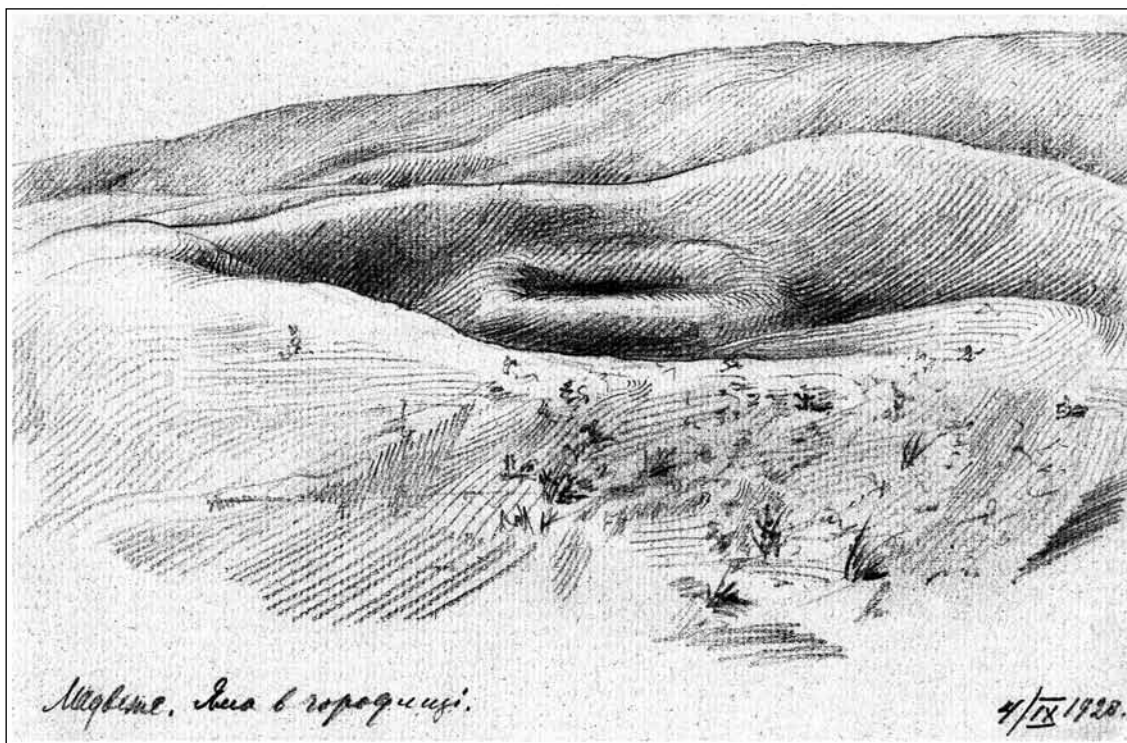

Рис. 1. Альбом Н.Е. Макаренко, рисунок 6 (городище Медвежье, яма). 4 сентября 1920 г.

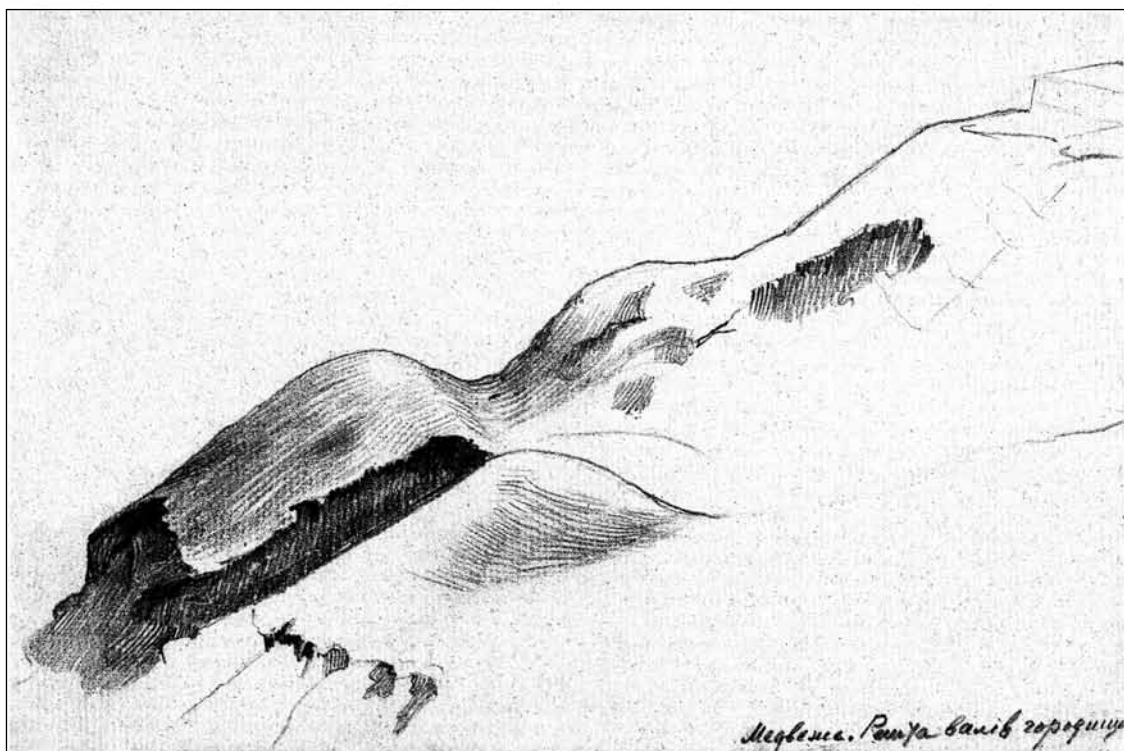

Рис. 2. Альбом Н.Е. Макаренко, рисунок 3 (городище Медвежье, остатки валов). Сентябрь 1920 г.

работу и клевету в отношении вождя ВКП(б) и руководителей правительства» [Макаренко, 1992а, с. 62]. После этого ареста Н.Е. Макаренко на свободу уже не вышел вплоть до расстрела 4 января 1938 г. в Томске.

Судьбы археологов прихотливо переплетаются. Давно (1955 г.) и рано (43 года!) ушедший из жизни донецкий археолог Виктор Михайлович Евсеев в юности познакомился с Н.Е. Макаренко [Усачук та ін., 1995, с. 200—201]. Знала Николая Емельяновича и будущая жена В.М. Евсеева Елена Николаевна Екимова¹: живя в Мариуполе, в начале 30-х гг. прошлого столетия она еще подростком видела Н.Е. Макаренко в доме своих родителей, когда тот приезжал на раскопки [Макаренко, 1992а, с. 64; Усачук та ін., 1995, с. 201]. В начале 50-х гг. XX в. В.М. Евсеев и Е.Н. Екимова навестили в Казани А.С. Федорову-Макаренко². Е.Н. Екимова вспоминала, что Анастасия Сергеевна жила в маленькой квартирке, где с трудом умещались архив и библиотека ее мужа [Усачук та ін., 1995, с. 203]. Какое-то количество книг А.С. Федорова-Макаренко передала В.М. Евсееву. Кроме того, Виктору Михайловичу и Елене Николаевне были подарены некоторые личные вещи и альбом рисунков Н.Е. Макаренко³.

После смерти В.М. Евсеева Елена Николаевна сохранила библиотеку и архив своего мужа. Работая долгие годы в Донецком областном Дворце пионеров, Е.Н. Екимова познакомилась в 1986 г. с молодым археологом Владимиром Николаевичем Горбовым, который с 1985 г. стал вести в этом же Дворце кружки археологии. На склоне своих дней Е.Н. Екимова подарила В.Н. Горбову часть книг из библиотеки мужа (в том числе и книги из библиотеки Н.Е. Макаренко). Основная часть книг В.М. Евсеева попала в 1986—1987 гг. в библиотеку Донецкого государственного университета, кое-что разошлось по рукам [Макаренко, 1992, с. 65; Кузьминых, Усачук, 2011]. Об альбоме рисунков Е.Н. Екимова никогда

не рассказывала. В.Н. Горбов предполагает, что она, скорее всего, просто забыла о нем. В 1988 г. Елена Николаевна умерла⁴. Как вспоминает В.Н. Горбов, через несколько дней после похорон родственники Е.Н. Екимовой пригласили его домой, памятуя, что Елена Николаевна просила передать ему, как археологу, все бумаги, сохранившиеся от В.М. Евсеева. Забирая папки архива, В.Н. Горбов наткнулся среди них на альбом рисунков, открыл его и увидел размашистую подпись «Н. Макаренко». Долго этот альбом хранился у В.Н. Горбова, а точнее — в кабинете кружка археологии областного Дворца пионеров, где Владимир Николаевич, а с 1988 г. и автор этих строк, весело и дружно работали много лет. Информация об альбоме была опубликована: Д.Е. Макаренко, дальний родственник Н.Е. Макаренко, собирая материалы для книги о Николае Емельяновиче, был в Донецке, видел альбом, дал краткое его описание и несколько рисунков [Макаренко, 1992а, с. 60—61, 68, 69, 76, 94]; позднее мы в соавторстве с В.Б. Звагельским, известным сумским журналистом и литературоведом, который много сделал в изучении жизненного и творческого пути Н.Е. Макаренко, опубликовали более-менее подробную статью об альбоме, представив в иллюстрациях часть рисунков [Усачук та ін., 1995]. Несколько лет назад альбом был передан В.Н. Горбовым в фонды Донецкого областного краеведческого музея (ДОКМ КП, 117281/гр 1381).

Альбом представляет собой специально сделанную для художников папку размерами 24,6 × 15,5 см в твердом переплете, обшитом серым полотном. Папка снабжена завязками и полотняным же футляром для карандаша. В альбоме 44 листа размерами чуть меньше обложки. Листы разного цвета: светло-желтые, белые, серо-голубые и темно-серые. На некоторых из них — водяные знаки [Макаренко, 1992а, с. 60]. На внутренней стороне задней обложки, в правом нижнем углу — штамп магазина: «Н.Э. Геллерь бывший А.М. Брюкнерь Гороховая ул. д. 16 тел. 244—48»⁵. На внутренней стороне передней обложки в центре — подпись «Н. Макаренко», выполненная черными чернилами. Всего в альбоме 17 рисунков, расположенных не подряд: видно, как для некоторых работ Николай Емельянович подбирал лист определенного цвета и фактуры.

Все рисунки альбома можно разделить на семь хронологических и три функциональных группы. Последнее деление несколько условное: рисунки вещей сделаны Н.Е. Макаренко с

1. В книге Д.Е. Макаренко ошибочно: Якименко [Макаренко, 1992а, с. 64, 65].

2. Е.Н. Екимова вспоминала, что это было «в начале 50-х гг.» В свое время мы предположили, опираясь на документы, что В.М. Евсеев с супругой ездили в Казань в июле — первой половине августа 1951 г. [Усачук та ін., 1995, с. 203]. В записи беседы Е.Н. Екимовой с донецким археологом А.В. Колесником от 4 декабря 1986 г. в Донецком обл. Дворце пионеров сказано, что, как вспоминала Елена Николаевна, поездка в Казань осуществлена в 1953 г.

3. Что-то из архива Н.Е. Макаренко попало к В.М. Евсееву и позже 1951 г. А.С. Федорова-Макаренко, очевидно, присылала какие-то материалы В.М. Евсееву в Донецк (тогда — Сталино). В библиотеке донецкого археолога В.К. Гриба сохранился отдельный оттиск статьи А.В. Терещенко [1866] с подписями Н.Е. Макаренко и В.М. Евсеева на первой странице. На обороте же последней страницы оттиска сохранилась надпись почерком В.М. Евсеева: «Получено от А.С. Макаренко, из Казани. октябрь 1954. В. Евсеев (подпись)».

4. В одной из статей, посвященных деятельности В.М. Евсеева [Колесник, Полидович, 1999, с. 44], ошибочно говорится о воспоминаниях Е.Н. Екимовой 1992 г. Речь идет об упомянутой выше беседе с А.В. Колесником 4 декабря 1986 г. в Донецком областном Дворце пионеров.

5. Последние две цифры смазаны. Менее вероятно, что вместо «8» стоит «0».

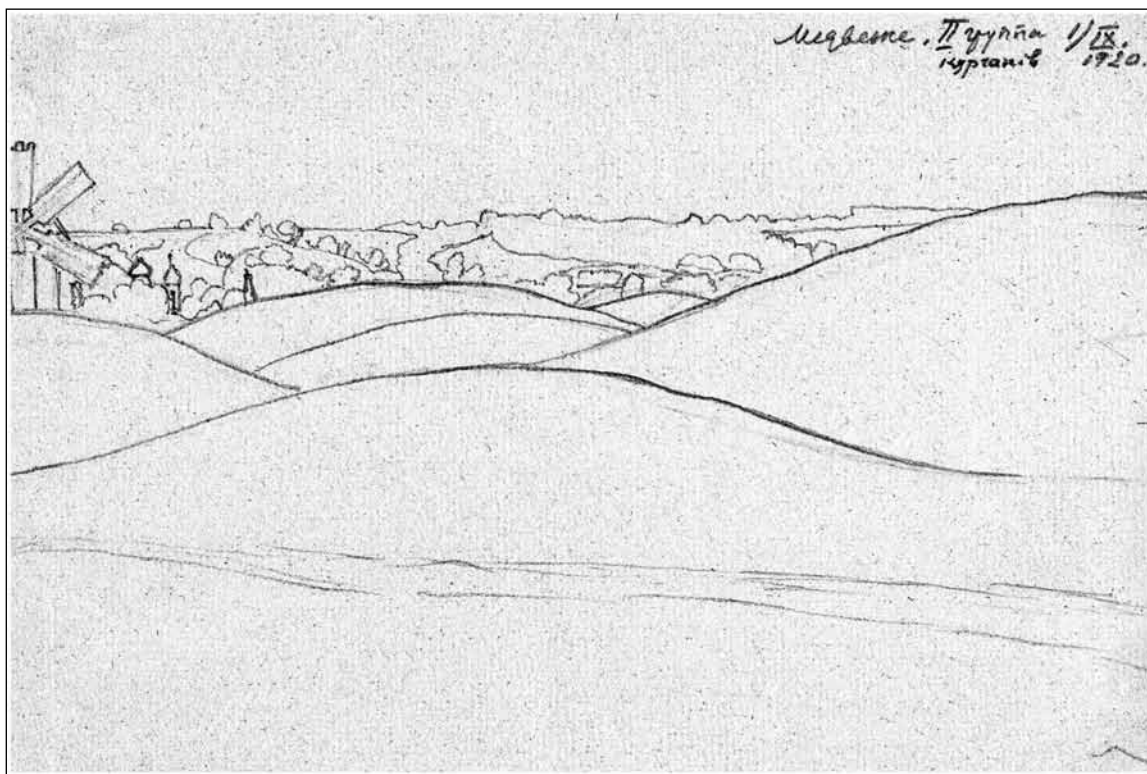

Рис. 3. Альбом Н.Е. Макаренко, рисунок 5 (Медвежье, II группа курганов). 1 сентября 1920 г.

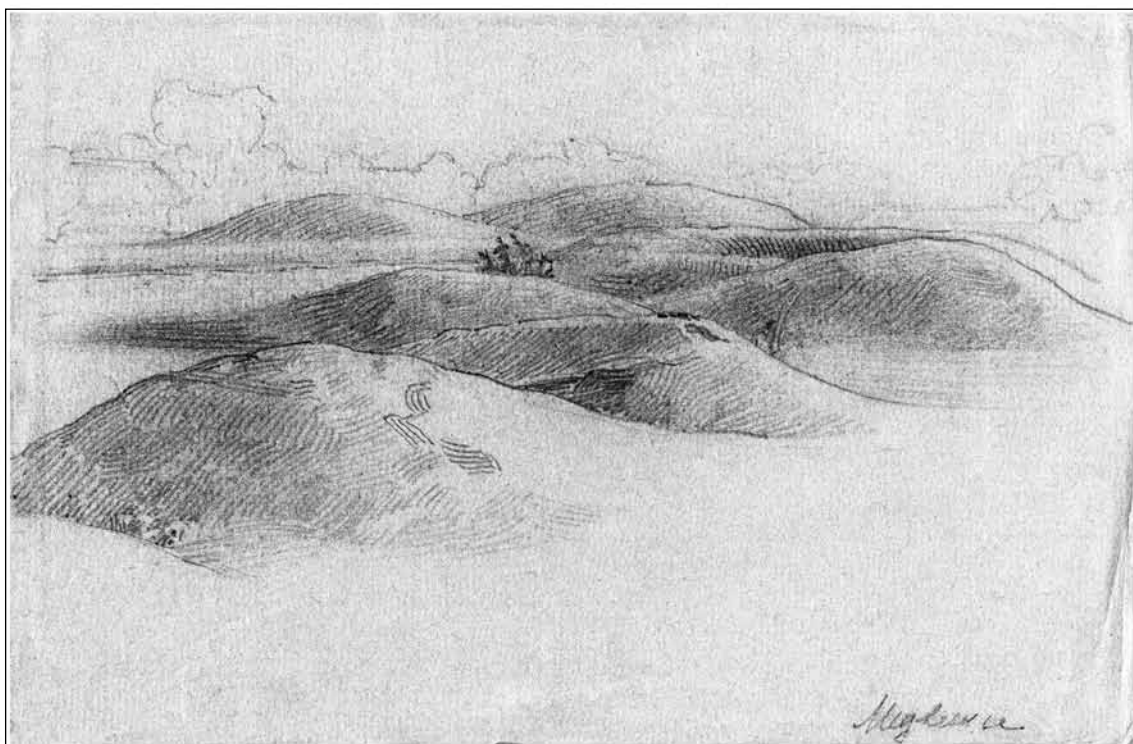

Рис. 4. Альбом Н.Е. Макаренко, рисунок 8 (Медвежье, курганы). Сентябрь 1920 г.

научной целью — использовать в будущих работах. Пейзажи выполнены с эстетической целью. Между этими группами располагаются рисунки городища и курганов возле с. Медвежье, которые объединяют научную и эстетическую цели [Усачук та ін., 1995, с. 211].

Первая хронологическая группа (август—сентябрь 1920 г.) — восемь рисунков древнерусского городища Медвежье на Роменщине, которое Н.Е. Макаренко копал в 1919 г. и продолжил в 1920 г. [Макаренко, 1992, с. 124; Усачук та ін., 1995, с. 207—208] (рисунки 2 и 8 вырваны и вложены в альбом) (рис. 1—4).

Вторая хронологическая группа (20-е гг.) — рисунок 9 (неоконченный), окрестности Киева. Датировка приблизительна.

Третья хронологическая группа — рисунки 10 и 11 — двух сосудов из коллекции Роменского музея — сделаны 13 и 14 июля 1924 г. Замечу, что сначала был выполнен рисунок 11: на листе желтого цвета изображен сосуд черняховской культуры с мастерски переданными мелом бликами (рис. 5,1). На следующий день, перевернув страницу альбома назад, Н.Е. Макаренко использовал темно-серый лист для рисунка другого сосуда (рис. 5,2). Известно, что летом 1924 г. Н.Е. Макаренко проводил раскопки городища Монастырище в Ромнах [Звагельський, 1990б, с. 58; 1990в, с. 28]. Во время экспедиции и были зарисованы находки. Обратим внимание на рисунок 11 — сосуд черняховской культуры (рис. 5,1). Его Николай Емельянович нарисовал, скорее всего, потому что в середине 20-х гг. изучал еще и черняховские памятники Левобережья Днепра [Гей, 1992, с. 123], а следовательно, собирал информацию по черняховским материалам.

Четвертая хронологическая группа — рисунки 12 и 13 — вещи из Полтавского музея — выполнены 25 и 26 октября 1927 г. (рис. 5,3,4)¹. Летом этого года Н.Е. Макаренко силами Полтавского музея проводил разведки, а осенью — раскопки скифского поселения возле с. Головач недалеко от Полтавы [Звагельський, 1990б, с. 58; Усачук та ін., 1995, с. 208—209]. Очевидно, во время активного сотрудничества с Полтавским музеем и были зарисованы каменные топор и «утюжок». В письме к А.М. Тальгрёну читаем: «<...> С I/VII собираюсь на исследование в Прилукский Округ на Полтавщине (это левобережье богато различными памятниками многих эпох). <...>» (№ 13, 15.03.1927 г.)².

1. Описание топора и «утюжка», условия их находок сохранились в документах Полтавского краеведческого музея [Каталог археологічного відділу Музея. ч. II, с. 191; Инвентарная книга. 1939. Архив фондов ПКМ, с. 188]. Сохранился и, по крайней мере, «утюжок» — я держал его в руках в Полтавском музее в декабре 1995 г.

2. Здесь и далее текст писем Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрёну, как и фрагменты текстов других документов, даются курсивом без исправлений и с

Пятая хронологическая группа — рисунок 15 — морской пейзаж. В левом нижнем углу листа надпись: «Євпаторія. Плаж санаторій ім. Сталіна 1928.27/VI. біля дачі Левицької.»³. Снова мы видим ситуацию с пропуском страницы: евпаторийская акварель выполнена на желтом листе, хорошо передающем ощущение летнего зноя и подчеркивающим синеву теплого моря. Темно-серый пропущенный лист Н.Е. Макаренко использует более чем через месяц для зарисовки каменного орудия в Луганске.

Про пребывание Н.Е. Макаренко в Евпатории летом 1928 г. свидетельствуют строки из письма №18 А.М. Тальгрёну (процитировано ниже, при описании рисунка 14). Кроме того, обратим внимание на письмо Н.Е. Макаренко известному историку А.С. Грушевскому, написанное 30 июня 1928 г., в котором Николай Емельянович волнуется по поводу корректуры своей работы, а в конце письма замечает: «<...>Декілька днів як стало тепло і наші ванни нагріваються сонцем, а не паром. Приймав вже 5 ванн, сьогодні буде 6-та<...> Щиро ваш М.Макаренко Адреса: Євпаторія, санаторій ім. Сталіна, корпус 5, кімн. 9» [Макаренко, 1992б, с. 108].

Шестая хронологическая группа — рисунок 14 — каменное орудие (топор) из коллекции Луганского музея (рис. 5,5). Даты нет.

В свое время, занимаясь сбором материалов о Н.Е. Макаренко, мы охарактеризовали 1928 г. как «темный период» в жизни ученого [Усачук та ін., 1995, с. 212]. Действительно, отсутствие постоянной работы, конфликты с руководством ВУАК, трагедия, связанная с гибелью сына летом 1927 г., — все это наложило отпечаток на дальнейшую деятельность Николая Емельяновича. Буквально по крупицам удается восстановить события 1928 г.: попытки добиться ассигнования на раскопки и противодействие руководства ВУАК в получении этих денег, раскопки на Звенигородщине, тяжелое внутреннее состояние ученого⁴, болезнь и лечение в течение значительной части лета в Евпатории, усилия по организации раскопок под Луганском [Кузьминых, Усачук, 2008, с. 63; 2011], очередной конфликт с руководством ВУАК в декабре, связанный с попыткой перевести ученого в группу сотрудников с меньшей квалификацией

присущей авторам орфографией. Опущенные фрагменты текста отмечаются троеточием, заключенным в угловые скобки. В конце текста писем А.М. Тальгрёну в скобках дается номер письма и дата.

3. Про дачу Левицької «Светлана» упомянуто в путеводителе по Крыму: «... Из дачных кварталов, более дорогих, можно указать дачи с пансионами: Новицької, Левицької, Шайтана, Дувана, Ефимова ...» [Крым. ..., 1914]. Замечу, что Д.Е. Макаренко ошибся, поставив в книге дату рисунка: 27. IV.1928 г. [Макаренко, 1992, с. 94].

4. См. письмо Н.Е. Макаренко В.А. Городцову (12.01.1928 г.) [ОПИ ГИМ, Ф. 431. Ед. хр. 415. Л. 21—22об; Звагельський 1993в, с. 3].

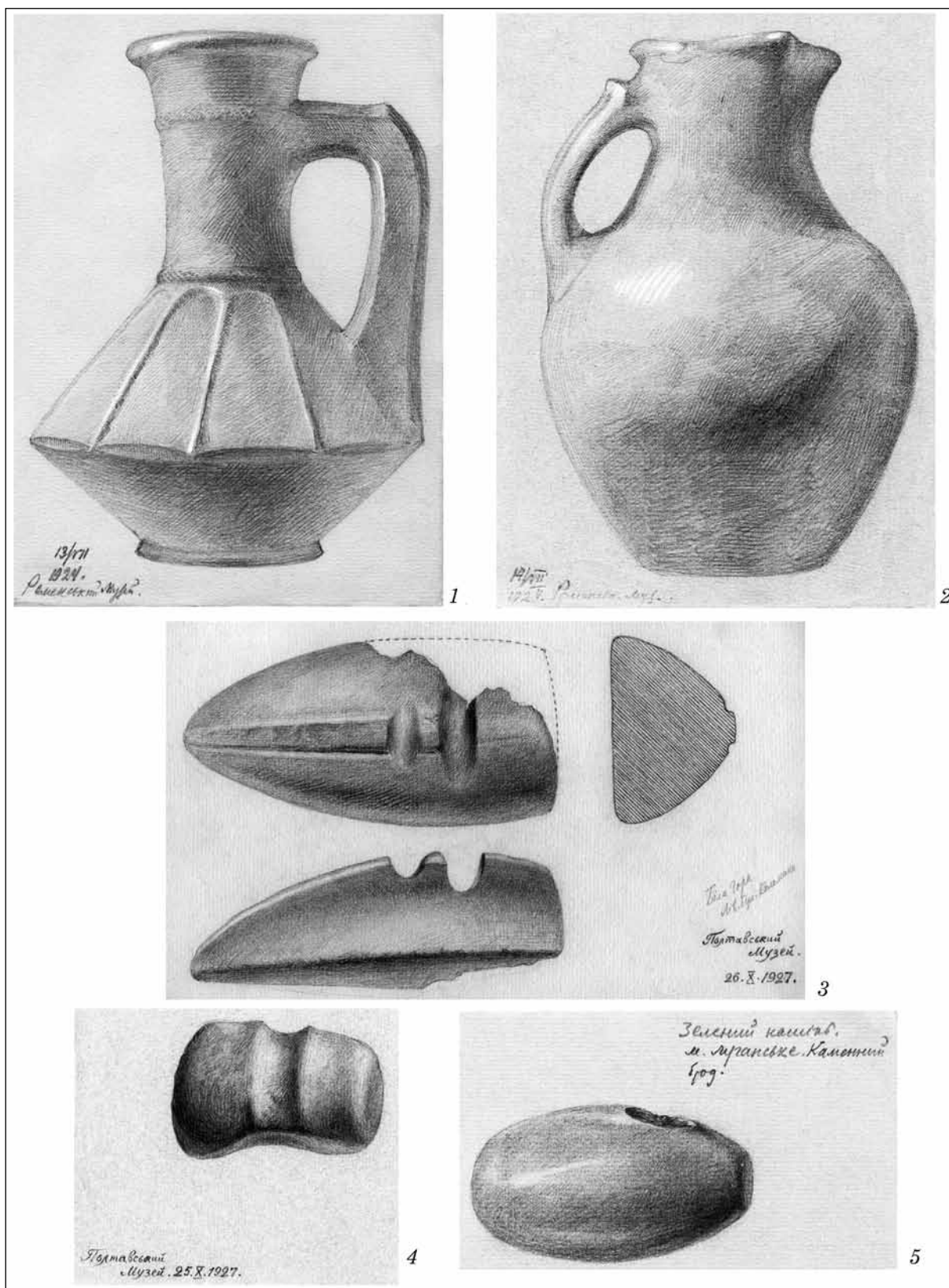

Рис. 5. Альбом Н.Е. Макаренко: 1 — рисунок 11 (13 июля 1924 г.); 2 — рисунок 10 (14 июля 1924 г.); 3 — рисунок 13 (26 октября 1927 г.); 4 — рисунок 12 (25 октября 1927 г.); 5 — рисунок 14 (начало сентября 1928 г.)

[Білодід, 1989, с. 127; Макаренко, 1992а, с. 48]. По поводу того, что Н.Е. Макаренко был летом 1928 г. в Луганске, свидетельствуют не только и не сколько рисунок из альбома, а несколько писем. Известный луганский археолог С.А. Локтюшев 5 августа 1928 г. пишет жене «<...> Вчера приехал из-под Дебальцево. Сюда приехал Макаренко и с ним ездили на рекогносцировку туда. Были в нескольких местах верст за 40 от Дебальцево. <...> 8 августа еду опять на дня три, где будем копать и совместно и отдельно <...>» [Усачук та ін., 1995, с. 210—211; Кузьминых, Усачук, 2011]. В письме Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрину читаем: «<...> До 20/VIII я был в грязелечебнице в Евпатории, потом на археолог. изследования в Луганске (Донецкий бассейн). Там заболел, не закончив работы и приехал поправляться в Киев, куда приехал 1/IX. Лежу, не выхожу, но уже поправляюсь. Снова, поправившись, уеду на раскопки <...>» (№ 18, 11.09.1928 г.). Строки письма №18 подтверждают, что в августе 1928 г. Н.Е. Макаренко ездил в Луганск. Правда, в письме стоит дата пребывания в Евпатории «До 20/VIII <...>». Очевидно, это ошибка и следует читать: До 20/VII. Таким образом, рисунок в Луганском музее можно приблизительно датировать началом августа 1928 г. Повторилась знакомая ситуация: работая где-либо, исследователь осматривал вещи в музеях и нужные рисовал для себя. Каменное орудие из Луганского музея, привлекающее внимание Н.Е. Макаренко (рис. 5,5), хорошо опознается по фотографии из брошюры С.А. Локтюшева с подписью «Из окрестн. города Луганска» [Локтюшев, 1930, табл. 30, 7; 2009, с. 224]. В описании сказано, что топор-молоток найден в районе г. Луганска близ берега р. Лугани [Локтюшев, 2009, с. 184]. У Н.Е. Макаренко на рисунке указана более точная привязка: «Каменный брод». Село Каменный Брод на р. Лугань основано в 1755 г., позже соединилось с рабочим поселком Луганского чугунолитейного завода. Топоним сохранился на территории города до наших дней (Каменнобродский район) [Высоцкий, 2003, с. 9—10]. Добавим, что С.А. Локтюшев пишет, что найденный топор сделан из сиенита [Локтюшев, 2009, с. 185], а у Н.Е. Макаренко в подписи стоит «Зеленый камінь». Вероятно, топор изготовлен из диабазы или диорита; сиенит зеленого цвета практически не встречается.

Седьмая (последняя) хронологическая группа — рисунки 16 и 17 — пейзажи, выполненные 6 и 15 августа 1935 г. в Казани. Как предположил С.В. Кузьминых, хорошо знающий окрестности города, на пейзаже рисунка 16 (рис. 6) изображен вид со стороны р. Казанка на овраги т.н. казанской «Швейцарии», на мысах которой расположены известные археологические памятники — городища Казанка 1 и 2, а за ними — старое Арское кладбище [Кузьминых, Усачук, 2011]. Очевидно, что и рисунок 17 (рис. 7) выполнен

на участке казанской «Швейцарии». Эмоциональное составляющее рисунков 16 и 17 говорит само за себя. Особенно это касается рисунка 16, на котором Н.Е. Макаренко изобразил забор с проволокой, так напоминающий колючую (рис. 6). Ощущая настроение рисунка, мы поместили его в качестве своеобразной иллюстрации к общему состоянию Н.Е. Макаренко в казанской ссылке [Кузьминых, Усачук, 2011, рис. 1]. Очевидно, то же, что и мы, почувствовали Д.Е. Макаренко, давший в своей книге казанские рисунки Николая Емельяновича [Макаренко, 1992а, с. 61] и В.Б. Звагельский, поместив рисунок 16 в одной из публикаций о Н.Е. Макаренко [Звагельський, 1996, с. 23].

С настроением казанских рисунков своеобразно перекликается единственное письмо Н.Е. Макаренко, посланное А.М. Тальгрину из ссылки. Письмо написано через месяц с небольшим после того, как были сделаны рисунки. «Дорогой Михаил Маркович! Получил письмо подписанное Вами и Моора¹. Сердечное спасибо Вам за память. Оно меня порадовало несказанно. Оказывается я еще не всеми забыт. Спасибо, спасибо! Как жаль бесконечно что я не мог Вас видеть!... Сижу в Казани уже год. Работать по своей специальности не могу. Нет для этого ни того материала над которым я работал, ни тех условий какие необходимы для работы. Положение отвратительное. Литературы новой здесь по нашему предмету совсем не выписывают. Что делается в любимой мною археологии — мало знаю. Вообще начинаю отставать в знаниях. Вышел-ли X вып. ESA также не знаю. Если бы прислали, был бы чрезвычайно благодарен. И вообще за всякую присылку был бы чрезвычайно признателен. — <...> Понемногу заканчиваю свою большую работу об изследованиях в Донбассе и на Мариупольщине. Это книга размерами больше моего “Мариупольского могильника” (видели-ли ее?). Очень немного продолжаю работать по древностям так наз. великого переселения народов. По этому вопросу материал собрал хороший. — Что делается в Киеве — не знаю. — В последнее время очень часто болею. Лежал даже в клинике — оперировали. Живется тяжело. Еще раз — глубокое и искреннее спасибо. Ваш Н.Макаренко» (№ 38, 17.09.1935 г.).

Данные о казанском периоде жизни Н.Е. Макаренко недостаточны и противоречивы. Письмо А.М. Тальгрину не дает какой-либо новой информации о работе ученого в Казани, но вслед за последними рисунками «донецкого» альбома передает ощущение атмосферы, в которой Н.Е. Макаренко жил и работал.

1. Речь идет о Харри Альбертовиче Моора (Harri Moora) (1900—1968) — эстонском археологе, ученике А.М. Тальгрена.

Рис. 6. Альбом Н.Е. Макаренко, рисунок 16 (Казань). 6 августа 1935 г.

Рис. 7. Альбом Н.Е. Макаренко, рисунок 17 (Казань). 15 августа 1935 г.

Мы видим, что, не смотря на болезни, оторванность от науки и психологическую угнетенность, в письме четко говорится о том, что Николай Емельянович продолжает трудиться — близится к завершению большая работа о раскопках в Донбассе в начале 30-х гг. В Казани исследователь, очевидно, привел в порядок данные о многочисленных своих раскопках курганов в Донбассе в 1930—1933 гг. К сожалению, рукопись этой работы пока найти не удалось, хотя и намечается вектор поиска. В архиве В.М. Евсеева, который сейчас обрабатывается мною для поступления документов в фонды Донецкого областного краеведческого музея сохранилось официальное письмо № 274 на бланке Института археологии АН УССР от 13 июня 1952 г. за подписью И.Г. Шовкопляса (на то время — зам. директора ИА), в котором подтверждается получение от В.М. Евсеева рукописи Н.Е. Макаренко «Нумизматические находки» и выражается просьба сообщить в институт «...не находятся ли у Вас еще какие-либо рукописные материалы Н.Е. Макаренко». Возможно, след большой рукописи о раскопках курганов в Донбассе отыщется в Киеве? Или В.М. Евсеев не забрал ее из Казани? Судьба этой рукописи неясна. Зато судьба небольшого альбома рисунков и нескольких десятков писем Н.Е. Макаренко оказалась более удачной, что дало нам возможность еще раз поговорить об этом незаурядном человеке, уточнить какие-то штрихи его жизни и бросить взгляд на непростой путь развития отечественной археологии в 20—30-е гг. прошлого столетия.

- Білодід О.І. Про Макаренка М.О. / І. Білодід // Археологія. — 1989. — № 1. — С. 120—131.
- Высоцкий В.И. Исторические аспекты топонимов Луганщины / В.И. Высоцкий. — Луганск, 2003. — 196 с.
- Гей О.А. История изучения / О.А. Гей // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. — М., 1992. — С. 123—130. — (Археология СССР).
- Граб В. Екслібріс Миколи Макаренка і бібліофіли / В. Граб // Книжник. — Ч. 1 (18). — Кіпв, 1993. — С. 21—22.
- Граб В.И. Из эпистолярного наследия Н.Е. Макаренко / В.И. Граб, А.Б. Супруненко // Донецкий археологический сборник: Вып. 3. — Донецк, 1993. — С. 36—45.
- Звагельський В. Справа Макаренка / В. Звагельський // Червоний Промінь. — 1989. — 15 липня. — № 29. — С. 4.
- Звагельський В.Б. Нові матеріали про Миколу Макаренка (розшуки 1988—1990 рр.) / В. Звагельський // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи: Тези доп. та повідомл. до наук.-практ. конф. — Суми — Ромни, 1990а. — С. 23—29.
- Звагельський В.Б. Хроніка життя і діяльності М. Макаренка / В.Б. Звагельський // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези доп. та повідомл.

- до наук.-практ. конф. — Суми — Ромни, 1990б. — С. 53—60.
- Звагельський В.Б. Дослідник історії України М. Макаренко / В.Б. Звагельський // Питання археології Сумщини: Матер. наук.-практ. конф. — Суми, 1990в. — С. 21—33.
- Звагельський В.Б. Нове про професора Миколу Макаренка / В.Б. Звагельський // Шоста Всеукраїнська наукова конференція з історичного краєзнавства. — Луцьк, 1993а. — С. 233—234.
- Звагельський В. Микола Макаренко: «Істина мусить стояти на першому місці» / В. Звагельський // Червоний Промінь. — 1993б. — 17 квітня. — № 16. — С. 4—5.
- Звагельський В. Нове про професора Миколу Макаренка / В. Звагельський // Червоний Промінь. — 1993в. — 18 грудня. — № 51. — С. 3.
- Звагельський В. «Істина мусить стояти на першому місці» (До біографії М. Макаренка та М. Ернста) / Сумська старовина. — Суми, 1996. — С. 21—27.
- Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. — СПб., 2009. — 1186 с.
- Колесник А.В. Виктор Михайлович Евсеев / А.В. Колесник, Ю.Б. Полидович // Донбасс: Спецвыпуск. — Донецк, 1999. — С. 44—45.
- Косиков В.А. Новые находки рисунков Н.Е. Макаренко / В.А. Косиков // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези доп. та повідомл. до наук.-практ. конф. — Суми — Ромни, 1990б. — С. 44—48.
- Косиков В.А. История исследования археологических памятников Донбасса / В.А. Косиков. — Донецк, 2001. — 84 с.
- Крым. Путеводитель Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. — Симферополь, 1914. — Точка доступа: http://evpator.org.ua/?page_id=683
- Кузьминых С.В. Письма С.А. Локтюшева А.М. Тальгрену / С.В. Кузьминых, А.Н. Усачук // Краеведческие записки: Вып. IV. — Луганск, 2008. — С. 59—65.
- Кузьминых С.В. «Миллион этой власти проклятой!» (Письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрену) / С.В. Кузьминых, А.Н. Усачук // История археологии: личности и школы (к 160-летию В. В. Хвойки). — СПб.: 2011. — С. 195—216.
- Локтюшев С.А. Доисторический очерк средней Донеччины (попытка построения краевой доистории) / С.А. Локтюшев. — Луганск, 1930. — 73 с.
- Локтюшев С.А. Доисторический очерк средней Донеччины (попытка построения краевой доистории) / С.А. Локтюшев // Краєзнавчі записки. Вып. V: Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). — Луганськ, 2009. — С. 146—230.
- Макаренко Д.Є. Микола Омелянович Макаренко / Д.Є. Макаренко. — К., 1992а. — 168 с.
- Макаренко Д.Є. Епістолярна спадщина М.О. Макаренка / Д.Є. Макаренко // Археологія. — 1992б. — № 4. — С. 101—108.
- Терещенко А. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях / А. Терещенко // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1866. — № 4. — С. 1—37.
- Усачук А.М. Невідомий альбом малюнків Миколи Макаренка / А.М. Усачук, В.М. Горбов,

В.Б. Звагельський // Полтавський археологічний збірник: Число 3. — Полтава, 1995. — С. 199—214.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историограф. очерки / А.А. Формозов. — М., 2004. — 320 с.

Цвейбель Д.С. Микола Омелянович Макаренко: (До 40-річчя відкриття Маріупольського могильника) / Д.С. Цвейбель // УІЖ. — 1970. — №8. — С. 128—130.

А. М. Усачук

ДО ІСТОРІЇ ВІТЧИЗНЯНОЇ
АРХЕОЛОГІЇ: АЛЬБОМ МАЛЮНКІВ
М.О. МАКАРЕНКО
З ФОНДІВ ДОНЕЦЬКОГО
КРАЄЗНАВЧОГО МУЗЕЮ

Стаття присвячена альбому малюнків відомого українського археолога і мистецтвознавця Миколи Омеляновича Макаренка (1877—1938), що зберігається у фондах Донецького обласного краєзнавчого музею. У альбомі 44 сторінки різного кольору: світло-жовті, білі, сіро-блакитні і темно-сірі. 17 аркушів заповнені малюнками, зробленими Н.О. Макаренко у 1920—1935 рр. Простежено історію створення і зберігання альбому до наших днів.

Висвітлено деякі маловідомі сторінки життя і діяльності М.О. Макаренка. У роботі використані листи М.О. Макаренка та інших археологів 30—50-х років ХХ ст., що збереглися в архівах України, Фінляндії та Росії

A. Usachuk

THE HISTORY OF DOMESTIC
ARCHAEOLOGY: N. MAKARENKO'S
DRAWING ALBUM FROM DONETSK
REGIONAL MUSEUM

The paper is devoted to an album of drawings of Nikolai Yemelyanovich Makarenko (1877—1938), the well-known Ukrainian archeologist and art critic. This album is kept in collection of Donetsk Regional Museum of Local History and includes 44 sheets of different colour: light yellow, white, grey-blue and dark grey. Seventeen sheets are covered with drawings which N. Makarenko made in 1920—1935. The history of the album from its creation until now is traced out. Some little-known pages of Makarenko's life and activity are uncovered. The letters of Makarenko and other archeologists of 1930—50s, which have been preserved in different archives of Ukraine, Finland and Russia, are involved as an additional material.

С. Н. Чаукин

«НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ» АРХЕОЛОГИЯ
В РОССИИ 1920—1950-х гг.
РАСКОПКИ Л.И. ПИМАКИНЫМ
ГОРОДИЩА ДЬЯКОВА ТИПА «КРУГЛИЦА»

Статья посвящена научной деятельности Л.И. Пимакина, освещены раскопки 1956 и 1957 гг. городища дьякова типа Круглица. Анализируется новаторская методика раскопок, отмечаются основные достижения этих работ.

Ключевые слова: история археологии, Л.И. Пимакин, ранний железный век, городище дьякова типа, культурный слой, методика раскопок, персоналистика.

История археологического изучения Подмосковья от начала XIX в. до 70-х гг XX в. хранит имена многих выдающихся исследователей. [Формозов, 1979; 1988; 2007] Они известны, их работы цитируются, некоторые остаются актуальными и в наши дни. Но наряду с этой группой археологов, существовала и другая, деятельность которой по разным причинам слабо отражена в историографической литературе. Большинство, из них работая в 1920-х—1950-х годах, не принадлежали к системе Академии наук. «За кадром» остались многие исследователи, внесшие существенный вклад в развитие наших знаний об археологических памятниках Подмосковья. Собственно говоря, именно они составляли ту среду, которая, с одной стороны, «впитывала» результаты достижений академической науки, а с другой стороны, не только поставляла новые находки, но и указывала новые «цели», развивала саму методику раскопок. Первым в ряду таких «забытых» археологов стоит А.В. Чайнов, который своими работами 1928, 1929 гг. в округе Николиной Горы существенно опередил археологическую науку тех лет [Кренке, 2007; Чайнов, 2007], хотя он и не был сотрудником ни одного археологического учреждения.

Амбивалентна фигура К.Я. Виноградова, одного из активнейших полевых археологов Подмосковья 1920-х — 1930-х гг., сотрудника и ученика В.А. Городцова. Его след остался в основном в виде отчетов и коллекций, и гораздо меньше в виде публикаций.

В первое послевоенное десятилетие очень много было сделано для изучения археологии Подмосковья сотрудниками Областного краеведческого музея. И здесь, в первую очередь, привлекает внимание фигура Леонида Ивановича Пимакина (1908 — начало 1980-х гг.). Л.И. Пимакин с 1929 по 1932 гг. учился в МГУ (1 курс) и в Ленинградском историко-лингвистическом институте по специальности музееведение-археология¹.

Самостоятельную экспедиционную археологическую деятельность он начал в 1939 г., обследовал памятники эпохи неолита и бронзы в бывшем Коробовском, Ногинском, Солнечногорском и Клинском районах Московской области. Попав рядовым на фронт, он был демобилизован после тяжелой контузии. Важнейшей заслугой Л.И. Пимакина является то, что после войны им были найдены среди руин музея в Истре многие коллекции и документы, сделаны копии с довоенной учетной документации.

Главным археологическим его предприятием в послевоенные годы стали раскопки 1956 и 1957 гг. городища дьякова типа Круглица (Дурниха, Долгий бугор), расположенного на Москве-реке в Раменском районе (См. фото на с. 314). В момент проведения раскопок они

---

1. Автор благодарит за эффективную помощь сотрудников Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» Н.И. Сафонову и С.В. Белову

Виды городища Круглица с востока (вверху) и юго-востока (внизу). Фото Л.И. Пимакина 1956 г. (архив ИА РАН; Раменский краеведческий музей)

являлись пионерскими, так как до этого широкой площадью никто не исследовал ранние слои городищ дьякова типа в Подмосковье. Описанию истории и методики этих раскопок и посвящена данная статья. Так получилось, что материал раскопок городища до недавнего времени практически не был исследован. В работе К.А. Смирнова даны ссылки лишь на некоторые вещи [Смирнов, 1974]. Наиболее эффектная находка — костяная булавка с зооморфным навершием была опубликована Е.И. Горюновой [Горюнова, 1961, рис. 60, 1], но рисунок схематичен и не передает многих особенностей вещи. Изучение вещевого и керамического комплексов из раскопок Круглицы в 2010—2011 г. провели Н.А. Кренке и С.Н. Чаукин, публикация которых планируется в виде отдельной работы [Кренке, Чаукин, 2012, в печати].

Материалами для написания данной статьи явились два отчета Л.И. Пимакина, хранящиеся в архиве Института археологии РАН [Пимакин, 1956; 1957], а также документы личного архива исследователя, хранящиеся в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» в г. Истра. Архив Л.И. Пимакина включает фотографии процесса раскопок и находок, описи находок, статистику находок по слоям, учетные карточки на каждый квадрат, которые составляли школьники при раскопках, и, главное, полевые дневники. Часть экспедиционных материалов 1956—1957 гг. сохранилась в Раменском краеведческом музее¹. В частности, там имеется альбом фотографий «Работа Раменского краеведческого музея с археологическим кружком Клишевской средней школы» (72 фотоснимка); зарисовки находок, сделанные школьниками. Некоторые из этих рисунков стали единственным источником информации, так как часть вещей не сохранилась.

1. Автор благодарит сотрудников Раменского историко-художественного музея за содействие в работе.

Первоначальной целью раскопок 1956 г. был сбор материалов для формирования экспозиции Раменского районного музея. П.И. Кофт, только что вступившая в должность директора этого музея, очень активно помогала археологической экспедиции. Она вместе с Л.И. Пимакиным участвовала в осмотре памятников, намеченных для исследования, добилась выделения средств на экспедицию, нашла оборудование, в том числе нивелир. На второй год раскопок цель работ стала сугубо научной — изучение «устройства поселения» [Пимакин, 1957]. В дневнике задача, которую ставил перед собой исследователь, сформулирована предельно ясно — «Раскопки будут вестись площадью мелким инструментом. Главная цель — изучение остатков жилищ» [Фонды Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим», ф. Пимакин, дневник раскопок 1957 г., 6 августа].

Руководителем экспедиции был Л.И. Пимакин, в его обязанности входило общее руководство, фотографирование, вычерчивание профилей и планов, обучение детей в процессе работы (См. фото на с. 315). За финансовую часть и снабжение экспедиции отвечала директор Раменского краеведческого музея Полина Израилевна Кофт. Педагог-воспитатель Клишевской средней школы, отвечала за организацию питания, отдыха, дисциплину и санитарное состояние. Экспедиция состояла в основном из девушек — учениц Клишевской средней школы. Типичная картина для послевоенных экспедиций. Из среды школьников был выбран староста, который, организовывал подъем и проведение работ на раскопе. Налаживание рабочего процесса проходило тяжело, т. к. профессиональных рабочих среди участников не было. Из-за этого возникали сложности с проведением раскопок, что подробно описано в дневнике Л.И. Пимакина. Судя по записям в дневнике, отношение с местными жителями не всегда были доброжелательными.

Как пишет Л.И. Пимакин, пастухи загоняли стадо на раскоп, топтали вскрытые участки. Однажды выдернули все колья пикетов, над которыми сотрудники экспедиции трудились несколько дней, было растоптано кострище с керамикой, разорено погребение XVIII в., череп которого был выброшен в болото, срывали флаг экспедиции. Так местные подростки-пастухи пытались обратить на себя внимание девушек из экспедиции. Л.И. Пимакин был вынужден обратиться в сельсовет.

Составление плана городища было выполнено с помощью землемерного инструмента, рулетки, уровня, буссоли, рейки и веревки. Пикеты ставились через 6 метров, образовав сетку на всей поверхности городища и его склонах. Оси координат АВ (запад-восток) и СД (север-юг) [Пимакин, 1956, с. 4]. По оценке Л.И. Пимакина, погрешность плана не превосходит 1–2 м. Нужно отметить, что, действительно, план был снят точно, и он очень информативен, показывает все нарушения культурного слоя, граница вала и бровка площадки показаны специальным знаком, рельеф передан горизонталями с сечением 2 м. Несмотря на наличие более поздних планов 1970 и 2011 гг., съемка Л.И. Пимакина является важным источником, т. к. на ней зафиксирован вал и ров городища, который теперь частично оказался на территории дачного участка и засыпан песком.

Раскопки на городище в 1956 году предварял первичный осмотр площади, был собран подъемный материал, что позволило определить границу поселения [Пимакин, 1956, С. 5].

Исследования начались с закладки двух взаимоперпендикулярных разведочных траншей, разделенных на квадраты 2 × 2 м. При этом установка была на тщательность разборки слоя тонкими срезами по 5–10–15 см. Очень важно подчеркнуть, что планировалась, и частично осуществлялась, разборка слоя по естественным горизонтам, а не только по условным горизонтальным уровням. Фиксировать планировалось все находки, включая массовые, а отбирать из слоя — «все твердое», а также образцы угля и самого слоя. Такая методика была совершеннее общепринятого в то время правила копать горизонтальными пластами по 20 см.

Оборотной стороной «тонкости» раскопок является необходимость составления большого объема документации, где фиксируются многочисленные зачистки. Однако у Л.И. Пимакина был лишь один квалифицированный добровольный помощник — студент 4 курса кафедры археологии МГУ — В.Ф. Черников (1924–1997), который, к сожалению, пробыл на раскопках всего две недели. В последующем В.Ф. Черников сыграл очень существенную роль в становлении археологии в Нижегородс-

Р.Л. Розенфельдт (слева) и Л.И. Пимакин (справа) возле раскопа на городище Круглица 15 августа 1957 г. В правой руке Р.Л. Розенфельдта — фотоаппарат «Москва»

ком крае [Анучин, Еремин, 1999; Черникова, Черникова, 2004]¹. В 1956 г. им была составлена уникальная для своего времени чертежная документация по основным разрезам культурного слоя городища Круглица (См. фото на с. 317, вверху). Остальной «лаборантский» состав состоял из школьников, посещавших до этого археологический кружок. Весь коллектив экспедиции был разбит на бригады по 2–3 человека. Каждая бригада имела свой квадрат, на который составлялся план находок и слоев. Для разных категорий находок были приняты различные условные знаки. В экспедиции не было постоянного нивелира, поэтому глубины замерялись от угловых колов квадратов. В архиве сохранились эти детские чертежи с «крестиками и ноликами». Л.И. Пимакин их проверял. На некоторых чертежах есть его замечания — например, указания на отсутствие характеристики культурного слоя. Сохранились трогательная фотография, на которой видно как одна из школьниц старательно наносит карандашом находки на план и заполняет учетную карточку на квадрат. Возле её босых ног лежат фрагменты

1. Автор благодарит И.С. Аникина за библиографические ссылки

керамики, вероятно, их уже не раз поднимали и клали обратно «на место». Очевидно, что точность этой «детской» фиксации не была высокой. В дневнике Л.И. Пимакина сохранились сетования на медленность работы и небрежность школьников, их незаинтересованность результатами, а также размышления о том, как было бы хорошо, если бы для археологии готовили специальный лаборантский состав. Планку требований к методике раскопок Л.И. Пимакин поднял высоко, но реализовать их оказалось очень трудно, от этого происходила неудовлетворенность руководителя работ, не раз прорывавшаяся на страницы дневника.

Всё же результаты работ 1956 г. оказались впечатляющими. На раскопанной площади 141 м² была собрана очень богатая коллекция вещевых находок, керамики и костей (всего около 20 тыс. единиц). Однако по ходу работ, стало ясно, что не менее ценна информация, которую удалось получить из наблюдений над особенностями стратиграфии и планиграфии культурного слоя.

При описании культурного слоя было выделено 11 видов грунта, для них разработаны цветные условные обозначения, приближающиеся к реальности. Полученный профиль разреза культурного слоя площадки городища оказался очень информативным и детальным. Выделенные многочисленные прослойки были обоснованно сгруппированы в три основных слоя. При этом свита прослоек, составлявшая нижний слой была интерпретирована Л.И. Пимакиным как остатки многочисленных построек, сменявших друг друга. Средний слой — это горизонт пожара посе-

ления. Верхний слой не содержал остатков построек и отложился в результате неоднократных посещений.

С позиции современных знаний можно отметить, что во многом Л.И. Пимакин был прав. Действительно наиболее интенсивная жизнь на поселении происходила в V—II вв. до н.э. На это указывает преобладание в коллекции костяных изделий соответствующих форм и керамики с текстильными отпечатками. Более поздние находки также присутствуют, но в значительно меньшем количестве. Отсутствие следов построек в верхнем слое, видимо, обусловлено почвенными процессами, распашкой, превратившей верхнюю часть «слоеного пирога» в аморфную массу черной земли.

Важнейшим результатом работ было обнаружение следов построек — канавок от стен и очагов. Один очаг имел глиняные бортики, он в точности напоминал по конструкции «жертвенник», изученный В.А. Городцовым на Старшем Каширском городище. Л.И. Пимакин высказал предположение, что «жертвенник», скорее всего, являлся «зимним очагом» внутри постройки [Пимакин, 1956, с. 9]. Конечно, подобная интерпретация скорее лишь «смещение акцента», так как очаг может совмещать и функцию жертвенника. Тем не менее, важно отметить, приоритет Л.И. Пимакина. Статья Р.Л. Розенфельдта, где предлагается такая же интерпретация, вышла много лет спустя [Розенфельдт, 1970]. Попытка Л.И. Пимакина вырезать очаг монолитом не увенчалась успехом, его остатки были законсервированы на месте.

В 1956 г. обнаружение многочисленных следов наземных построек на городище дьякова типа было совершенно новым делом, и их изучению, как отмечалось выше, был посвящен сезон 1957 г. Однако работа экспедиции в сезоне 1957 г. протекала гораздо сложнее, чем в предыдущем. Рядом с Л.И. Пимакиным уже не было В.Ф. Черникова. Руководитель работ не успевал чертить бровки между участками (формат учетных участков в 1957 г. был изменен — участок равнялся 3 × 3 м и делился на четыре квадрата 1,5 × 1,5 м). В результате, желание копать и вести наблюдения над широкой площадью наталкивались на «решетку» из бровок. Экспедиция не получила достаточного финансирования в 1957 г. Кроме того, учительница, ответственная за питание детей, оказалась нечистой на

Сводный план следов построек. Выполнен Л.И. Пимакиным

В.Ф. Черников, снимающий профиль раскопа на городище Круглица в 1956 г.

руку и утаивала деньги из детского питания (на продукты вместо положенных 10 рублей в день на человека тратилось не более 6 руб.). В результате дети были голодны, часто не было даже хлеба, в коллективе возник конфликт. Мешал сильный ветер (пыль стояла такая, что пришлось заказывать мотоциклетные очки для всех участников) и нетипичные для августа холода. Площадь раскопа была сокращена до 80 м², но и её не успели сделать в срок школьной практики (См. фото на с. 317, внизу).

Л.И. Пимакин был вынужден почти в одиночку заканчивать раскоп, мучаясь от простуды и головных болей, вызванных последствиями контузии. Относительно благополучно завершить работы удалось благодаря содействию А.Ф. Дубынина и Р.Л. Розенфельдта, которые прислали на помощь рабочих московской экспедиции ИИМК. Качественной зачистки материка сделать не удалось, не все канавки были выбраны. То есть цели сезона были достигнуты лишь отчасти. Основным методическим упущением явилось отсутствие пластовых планов, нет и фото материка. Был сделан лишь один план раскопа, изобразивший ситуацию на уровне материка и основания нижнего слоя. Злополучные профили бровок, которые задерживали весь процесс, так и не вошли в отчетную документацию. Главным содержанием отчета 1957 г. стало обобщенное описание построек и вещевого комплекса, собранного при раскопках. Тем не менее, на основании раскопок 1956, 1957 гг. впервые в археологии Подмосковья были описаны четыре комплекса наземных построек раннедьяковского времени (См. план на с. 316). По предположению

Л.И. Пимакина, постройки имели два варианта размеров — 7 × 4 и 3,5 × 4,5 м, их конструкции, по мнению автора раскопок, были срубными. В свете новых данных полученных на городищах Боршева, Дьяково и Настасьино, где были выявлены аналогичные остатки построек, можно утверждать, что их конструкции были столбовыми [Кренке, 2011].

Всего за время раскопок 1956 и 1957 годов был исследован 221 м².

Выводы, к которым пришел Л.И. Пимакин после двух лет работы, по его собственному выражению, являются ориентировочными. В частности, он справедливо предполагал, что городище появилось в V—IV вв. до н.э. Им определен круг находок, которые должны дать информацию по существованию поселения на протяжении нескольких веков. Для датировки возникновения городища он предлагает «опереться» на однозубые костяные наконечники стрел и глазчатую бусину глухого синего стекла и датирует их V—IV вв. до н.э. Верхнюю границу памятника Л.И. Пимакин определяет по ювелирным украшениям из бронзы и ставит ее не позднее III в. н.э. Автор приводит известные ему аналогии с городищ Старшего Каширского, Пекуновского, Санниковского, Троицкого и Мамоново. Также особое внимание он уделит обнаруженным следам строений. В связи с чем обращается к материалам раскопок средневековых памятников. По сути, Л.И. Пимакин ограничился предварительными заметками и соображениями, так как в его планах было продолжить исследование этого без сомнения интересного памятника.

Раскопки Л.И. Пимакина на городище Круглица можно сказать опередили свое время. Так как предложенная им методика,

Раскопки Л.И. Пимакина на городище Круглица можно сказать опередили свое время. Так как предложенная им методика,

Раскопки городища Круглица. Рабочий момент. Фото Л.И. Пимкина

раскопок по слоям и тщательное фиксирование следов являлись новым в исследовании городищ дьякова типа. К сожалению, не все из запланированного ему удалось реализовать. Так работы в следующем году не состоялись, а полученные материалы не были обстоятельно изучены и опубликованы. Средств для выполнения этих задач у Л.И. Пимакина не хватило, оценить свои возможности и скорректировать масштабы работ он не смог.

Ввести эти материалы в научный оборот удалось только через 50 лет, во многом это стало возможным благодаря обстоятельным записям и четкой фиксации материала Л.И. Пимакиным.

Анучин С.В. От редакции / С.В. Анучин, И.О. Еремин // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Нижний Новгород, 1999.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / Е.И. Горюнова. — МИА. — М., 1961. — № 94.

Кренке Н.А. Археологические работы А.В. Чайнова в долине Москвы-реки в 1928 и 1929 гг. / Н.А. Кренке // Археология Подмосковья. — М., 2007.

Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н. э. / Н.А. Кренке. — М., 2011.

Пимакин Л.И. Предварительный отчет об исследовательских работах, произведенных по открытому листу № 8 от 23/IV—1956 в Раменском районе Московской области / Л.И. Пимакин // Архив ИА РАН р—1, № 1396.

Пимакин Л.И. Предварительное сообщение о продолжении исследования городища «Круглица» в 1957 г. / Л.И. Пимакин // Архив ИА РАН р—1 № 2144.

Розенфельдт Р.Л. О глиняных жертвенниках / Р.Л. Розенфельдт // Древние славяне и их соседи. — М., 1970.

Смирнов К.А. Дьяковская культура / К.А. Смирнов // Дьяковская культура. — М., 1974.

Фонды Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим», ф. Пимакин, дневник раскопок 1957 г.

Формозов А.А. Пушкин и древности / А.А. Формозов. — М., 1979.

Формозов А.А. Следопыты земли Московской / А.А. Формозов. — М., 1988.

Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья / А.А. Формозов. — М., 2007.

Чаянов А.А. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. / А.А. Чаянов // Археология Подмосковья. — М., 2007.

Черникова А.Н. Воспоминания о В.Ф. Черникове / А.Н. Черникова, С.В. Черникова // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Нижний Новгород, 2004.

С. М. Чаукин

«НЕАКАДЕМІЧНА» АРХЕОЛОГІЯ В
РОСІЇ 1920—1950-х рр.
РОЗКОПКИ Л.І. ПІМАКІНИМ
ГОРОДИЩА ДЬЯКОВА
ТИПУ «КРУГЛИЦЯ»

Стаття присвячена науковій діяльності Л.І. Пимакіна, яка залишилася не поміченою сучасниками. Зокрема, висвітлено розкопки 1956 і 1957 рр. на городищі дьякова типу Круглиця, розташованому на Москві-ріці в Раменському районі. Аналізується методика розкопок, яка на той час не застосовувалася на подібних пам'ятках. Відзначається, що основним досягненням цих робіт був опис і графічна фіксація складної структури культурного шару ранньодьяківського часу, а також виявлення комплексу наземних будівель.

S. Chaukin

«NON-ACADEMIC» ARCHEOLOGY
IN RUSSIA 1920—1950s.
PIMAKIN'S EXCAVATIONS ON
THE FORTIFIED SETTLEMENT
«KRUGLITSA»

The paper is devoted to Pimakin scientific activities, which wasn't noticed by his contemporaries. In particular researches of Kruglitsa, located on the Moskva River in the Ramenskoye district. Author analyzes the method of excavation. Author notes that the main achievement of Pimakin's work was description and graphic fixation of the complex structure of the cultural layer early dyakov time, and the identification of the complex surface structures.